Анна Морион
В ТЕНИ

Анна Морион

В тени

«Автор»
2023

Морион А.

В тени / А. Морион — «Автор», 2023

Белокурая Альенора Нортон и рыжеволосая Бригида Гиз знают друг друга с колыбели и считают себя почти сестрами. Бригида – скромная девушка и послушна воле своего отца. Ее судьба – выйти замуж за того, на кого ей указали. В красавице Альеноре, дочери королевского советника, живет честолюбие и жажда власти. Когда весть о разводе короля Генриха Восьмого с королевой Екатериной достигает белокурой красавицы, она делает все, чтобы попасть в Лондон и стать фрейлиной новой королевы Анны Болейн.Действие книги происходит в Англии, периода правления Генриха Восьмого, а именно в период его развода с Екатериной Арагонской и женитьбы на Анне Болейн.

© Морион А., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 11
Глава 3 16
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 35
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Анна Морион
В тени

ЧАСТЬ 1

Глава 1

Лето, 1526 год

Мелкая морось, заставшая девушек в цветочном поле, вскоре превратилась в проливной ливень, и их длинные, и без того тяжелые летние платья промокли насквозь. Мокрые подолы отяжелели и липли к ногам, мешая бежать к замку, в поисках убежища.

– Мой чепец! – вдруг услышала Альенора позади себя. Высокая и длинноногая, она уже успела перепрыгнуть широкую лужу, успевшую образоваться на поле, но без колебаний вернулась к своей подруге.

Бригида все еще находилась на другом конце этой самой лужи и, склонившись так низко, как это делают слуги ее отца, принимая его приказы, водила руками по мокрой земле.

– Что там? Бригида, поспеши! – крикнула Альенора, но, не желая вновь перепрыгивать лужу, осталась на месте.

– Мой чепец! Он упал с моей головы! – с беспокойством в голосе громко ответила Бригида.

– Упал, ну и Бог с ним! – попыталась подбодрить подругу Альенора.

– Но это мой любимый… Подарок матери на пятнадцатилетие! – Бригида ни на миг не останавливала свои поиски, но результата они не приносили.

– Мы поищем его завтра, обещаю! – Альенорой овладело нетерпение: она дрожала от холода, а ее мокрое платье приносило ей чувство омерзения.

– Но он испортится! Бархат! Жемчужины! Все! – едва не плача, с отчаянием крикнула Бригида. Она бросила поиски, разогнула спину и всплеснула руками.

– Хуже уже не будет! Уверена: твой чепец успел так промокнуть, что искать его сейчас в этой грязи, под этим ливнем нет никакой надобности! – весело, не к месту, сказала Альенора. – Но я обещаю, что завтра мы вернемся и найдем его вместе! А сейчас бежим в замок! Пожалуйста! Я умираю от холода!

– Обещаешь? – переспросила Бригида, и на ее лице засияла счастливая улыбка: ах, Альенора! Ей всегда удается найти нужные слова!

– Обещаю! Да заберет Господь мою душу, если я не выполню свое обещание!

Ободренная подругой, Бригида откинула с мокрого лица свои длинные мокрые волосы, приподняла подол платья, сделала шаг вперед и, вдруг поскользнувшись на комке липкой грязи, с тихим криком удивления, упала лицом вниз. Когда она поспешно поднялась на ноги, ее подруга весело рассмеялась.

– Ах, моя дорогая! Ты стала похожа на самую настоящую крестьянку! – воскликнула Альенора и вновь расхохоталась. Она понимала, что подруге был неприятен этот ее смех, но ничего не могла с собой поделать: смех разрывал ее легкие.

Бедная Бригида! Ее лицо было вымазано в жидкой земле, а почти новое платье выглядело так, словно на него вылили несколько ведер коровьего навоза. Волосы девушки были измазаны грязью, ладони и ногти – черны. Она выглядела так плачевно, что, проезжай рядом ее отец, он не узнал бы родную дочь.

– Прости… Прости! – Альеноре все же удалось унять свой смех и, лихо, как молодой олень, перепрыгнув лужу, девушка поспешила на помощь подруге. Впрочем, ее старания не увенчались успехом: лицо Бригиды оставалось черным, а платье грязным.

– Какая я неловкая… Матерь Божья, что скажет матушка, когда увидит меня в таком виде? – запричитала Бригида, но тотчас прыснула от смеха: – Она сказала, что сегодня в замок приедет Вильям Тьюри! Он будет просить моей руки! Представь его глаза, когда я войду в зал!

– Он не увидит тебя, глупышка! Мы проведем тебя через кухню! – решительно заявила Альенора и взяла грязную ладонь подруги в свою, не брезгуя ею, но желая показать свою сестринскую любовь. – Бежим!

– Бежим! – откликнулась на это Бригида, крепко сжав ладонь Альеноры.

Девушки пустились стремглав, словно были не молодыми мисс, а парой косуль. Они ловко перепрыгнули лужу, добрались до небольшого леса, окружающего замок семейства Нортон, владельцем которого являлся отец Альеноры, советник короля Джейкоб Нортон, и со смехом бросились к черному выходу, ведущему на большую кухню.

– Матерь Божья! Мисс Бригида, это вы? – ахнула одна из служанок, нарезающая на тонкие куски мясо жареного нежного поросенка.

– Я упала на землю! – весело крикнула ей девушка. – Только не говори матушке!

– Ваша матушка повсюду вас ищет! – недовольно отозвалась служанка. Как и вся прислуга замка, она относилась к подруге дочери своих хозяев, как к собственной сестре, конечно, помня о том, что та была намного выше их по положению. – А вас, мисс Альенора, ищет ваш отец! – добавила она и направила кончик своего длинного широкого ножа на дверь, ведущую вон из кухни. – Идите-ка отсюда, пока они не заметили вас здесь! Да еще и в таком виде!

– Уже уходим! Не сердись ты так! – рассмеялась Альенора и, потянув за собой Бригиду, направилась к низкой деревянной двери, ведущей на лестницу для прислуги, скрытую от глаз хозяев и гостей.

– Нам нужно быть тихими, как мышки! – шепнула Альенора подруге, когда те быстрым шагом поднимались по каменной лестнице, которая пахла сыростью, а кое-где была покрыта мхом. – Тебя нужно выкупать в теплой воде с травами… А платье, увы, придется выкинуть! Но не печалься: если Вильям Тьюри, этот красавец, попросит твоей руки, тебе сошьют дюжину… Нет, две дюжины новых платьев! И украшения! Их купят для тебя, самые красивые, самые…

– Альенора! – вдруг раздался женский голос откуда-то сверху. Этот голос, эхом отдающийся от крепких каменных стен довольно узкой лестницы, принадлежал матери девушки, леди Франческе Нортон.

– Матушка! – ахнула Альенора и, прижав Бригиду к стене, прошептала ей на ухо: – Я пойду первой! Нельзя, чтобы моя мать увидела тебя! Она так ценит чистоту, что упадет в обморок при виде такой красавицы, как ты!

– Хорошо, я подожду здесь! Только прошу, найди мою мать и попроси ее подготовить для меня лохань с теплой водой! Отец не должен узнать о том, что я появилась в замке черная, как старая бездомная бродяжка! – едва слышно ответила Бригида.

– Я так и сделаю! Постой пока здесь! – Альенора отпустила ладонь подруги, приподняла мокрый подол своего платья и торопливо поднялась к ожидающей ее матери. – Матушка, не гневайтесь! Не моя вина в том, что пошел дождь!

– Дитя мое, тебе нужно переодеться… Нас посетили титулованные гости! Такое случается лишь раз в жизни, и я не позволю тебе испортить этот момент… – говорила возмущенная леди Нортон, но вскоре ее голос исчез за дверью, и последние слова Бригиде разобрать не удалось.

«Гости! А мне так посчастливилось упасть в грязь!» – с насмешкой над собой улыбнулась девушка. Она вновь окинула взглядом свои платье и руки, глубоко вздохнула, смиренно приняв свое неловкое положение, и, немного подождав, медленно направилась вверх. Однако, не преодолев и трех ступенек, Бригида услышала, как наверху открылась и громко ударилась о стену та самая дверь, за которой еще недавно скрылись Альенора и ее мать, и лестницу вдруг наполнил громкий, наполненный недовольством мужской голос.

– А теперь послушай, Екатерина: мы останемся здесь так долго, как мне того захочется! Я не желаю ехать верхом под проливным дождем! Но ты, если так торопишься в Лондон, можешь

ехать без меня! – Этот голос был похож на раскат грома, и Бригида невольно прижалась к влажной холодной стене.

По спине девушки пробежали мурашки страха: так напугал ее этот сильный властный голос.

– Вы правы, мой дорогой супруг. Прогулки под дождем – не лучшее из удовольствий. – Послышался мягкий женский голос. – Я буду рада составить вам компанию в этом уютном и таком живописном краю. Наша дочь поймет наше опоздание и, конечно, не будет держать на нас обиду.

– Я рад, что ты находишь это место живописным, – парировал мужской голос, и в этот раз в нем чувствовался холод.

– Когда вновь выйдет солнце, мой дорогой супруг, мы сможем совершить прогулку по окрестностям. Если вы того пожелаете, мы возьмем с собой мисс Анну Болейн и мисс Мэри Кэрри. – Женский голос оставался все таким же мягким и теплым, и этот контраст настолько удивил Бригиду, что она невольно приложила ладонь к груди и ахнула от боли за незнакомку.

Девушке показалось, что ее вздох не был замечен, но стены, повторившие его тихим эхом, предали ее.

– Эй, ты там! Сюда! Живо! Это еще что? Шпионы в замке Нортонов? – вдруг услышала девушка полный гнева мужской голос, и, побледнев, ни жива, ни мертва, она поспешила ответить.

– Я не шпионю, сэр! Я просто поднималась по лестнице! – пискнула Бригида, молясь в душе, чтобы ей разрешили остаться на месте, ведь она боялась встретить обладателя этого страшного голоса и того, что он скажет ей.

– Я сказал, сюда!

– Иду, сэр!

На глаза Бригиды навернулись слезы. Она поднималась по лестнице, почти не дыша, и смахивала со своих щек эту соленую влагу, которая не только не смывала с них грязь, но размазывала ее еще больше.

Вскоре, дрожа от страха и не смея взглянуть на стоящих перед ней леди и ее супруга, Бригида остановилась перед неизвестными ей гостями и опустилась перед ними в глубоком реверансе.

Лестницу тотчас заполнил громкий глубокий мужской смех.

– Так вот эта птичка, которая шпионила за нами! – обратился мужчина к своей супруге, а затем бросил Бригиде: – Вы неважно выглядите, молодая мисс.

– Благодарю вас, сэр, – поспешно сказала девушка, и лишь потом поняла, что сделала ошибку: мужчина рассмеялся еще громче.

– Ну что вы, мисс, это явно не моя заслуга! – сквозь смех, сказал он.

– Простите мне мою глупость, сэр! – желая исчезнуть, раствориться в воздухе, воскликнула девушка. Ей стало так стыдно за свое глупое поведение и бестактные слова, что, не будь ее лицо покрыто грязью, гости замка увидели бы его таким красным, каким можно увидеть спелое яблоко, вобравшее в себя теплые солнечные лучи.

– Дорогая мисс, что же с вами приключилось? – спросила женщина. Ее голос прозвучал ласково, словно ей было жаль эту бедную замарашку, стоящую перед ней.

– Я была в цветочном поле, моя леди… Пошел сильный дождь, и я побежала в замок, но по дороге поскользнулась и упала лицом в грязь, – тихо промолвила Бригида. Она не смела поднимать на лица незнакомцев взгляд и смотрела лишь на длинный подол расшитого золотыми нитями синего платья женщины и высокие охотничьи сапоги мужчины.

– Вот оно что! Значит, вы не прислуга? – уже более спокойным тоном спросил мужчина.

– Нет, сэр. Я дочь…

– Не важно. Идите в свою комнату и приведите себя в порядок! – властно приказал незнакомец. – Идите же!

– Сию же минуту, сэр! – Бригида выпрямила ноги и, низко опустив голову, быстро обошла незнакомцев, открыла тяжелую деревянную дверь и вышла в широкий коридор. Ее щеки горели от стыда, и она корила себя за то, что не смогла промолчать и выдала свое присутствие.

Что они подумали о ней? Что она шпионка? Что она нарочно спряталась на лестнице, чтобы подслушать их? А что, если об этом услышит ее строгий отец? Или, что еще хуже, молодой красавец Вильям Тьюри? Она будет молчать и надеяться на то, что леди и ее супруг никогда не узнают в этой грязной неуклюжей девчонке дочь опального Ричарда Гиза, который и без того находится в немилости у короля.

Когда Бригида наконец-то зашла в свои покои, где, как оказалось, ждала ее мать, первым, что она услышала, было слова о том, что она плохая дочь, что своим видом она позорит имя своей семьи и, если появится перед матерью в таком виде еще раз, пусть пеняет на себя! Монастырь сможет перевоспитать эту негодницу!

Мягкосердечная девушка слушала упреки и обидные слова матери молча, склонив перед ней голову. Она не сказала ни слова в свою защиту: разве это хоть когда-то помогало? Сколько раз она уже слышала эти слова? Ее мать, вспыльчивая и гордая дальняя родственница ныне усопшей английской королевы Елизаветы Вудвилл, ждала от единственной дочери, что та возвысит имя их семьи и вернет им королевскую милость, которой лишил их король из-за неловкой шутки отца семейства о цепкой королевской фаворитке Анне Болейн.

Злопамятной мисс Болейн стоило лишь с печальным видом обронить королю пару слов о том, что Ричард Гиз посмеялся над ней, и тот без объяснений отослал верного слугу со двора и лишил его всех званий и титула баронета. И уже два года как семейство Гиз находилось в опале, без имени, без особых средств к существованию и с огромной обидой на Анну Болейн. Однако Бригида не считала Анну виновной в падении их семьи: отцу следовало быть скромным и держать язык за зубами… Это из-за его неуместной остроты путь в королевский дворец был для нее закрыт, чему, на удивление, девушка была рада, ведь она так любила свою милую чудную глушь, отцовский замок и запах цветочных полей, окружающий его.

Нет, Бригида никогда не желала стать фрейлиной Ее Величества королевы Екатерины, никогда не стремилась обратить на себя внимание короля и надеялась, что вскоре станет супругой молодого темноволосого красавца Вильяма, в которого она была влюблена с тех самых пор, как увидела его на одном из празднеств, устраиваемых отцом Альеноры, лордом Нортоном. К счастью, несмотря на то что имя Гизов было втоптано в грязь, лорд Нортон не отвернулся от старого друга Ричарда, поэтому Бригида проводила недели и даже месяцы вместе со своей подругой Альенорой в большом старинном замке Нортонов, известном своей роскошью.

Пока леди Гиз отчитывала дочь, в покои неслышно зашел Ричард Гиз. Увидев Бригиду, похожую на свинопаску, он ничего не сказал, но окинул ее презрительным холодным взглядом и обратился к своей супруге:

– Кто видел ее такой уродиной?

– Не знаю, мой дорогой супруг… Я еще не успела спросить ее об этом, – извиняющимся тоном ответила ему та и, вновь взглянув на провинившуюся дочь, строгим голосом спросила: – Кто видел тебя? Признавайся! Слуги?

– Да, матушка. Слуги на кухне, – едва слышно ответила Бригида. Приход отца напугал ее: он никогда не был так многословен, как матушка, но именно он ввергал ее в ужас своим ледяным взглядом и редкими, но такими обидными колкостями. Сэр Ричард умело держал своих домочадцев в страхе, и даже его супруга, эта знающая себе цену женщина, побаивалась его гнева.

– Кто еще? – допытывалась мать. Ее голос ни на миг не терял своей строгости.

– Альенора… Она была со мной на поле, когда начался ливень. – Девушка сглотнула и, не смея взглянуть на отца и мать, робко спросила: – Могу ли я попросить вас, матушка, приказать принести теплой воды?

– Теплой воды? И в холодной искупаешься! – насмешливо усмехнулся сэр Ричард. – И где ты так измазалась, маленькая замарашка?

– Я упала в грязь, отец… Было очень скользко… – начала было Бригида.

– Упала. В следующий раз, когда будешь падать, не забудь разбить свою глупую пустую голову, – спокойным тоном перебил дочь сэр Ричард. – Это платье обошлось мне в целое состояние, а ты испортила его. Даже не мечтай получить новое! В замке такие гости, а она шляется по полям, как какая-то крестьянка!

– Со мной была Альенора, сэр… И о том, что прибудут гости, мы не слыхали. – Девушка прикусила губу: она всегда делала так, когда изо всех сил сдерживала слезы. Плакать при родителях ей было запрещено: она не раз слышала от них, что ее слезы никому не нужны, и что они лишь вызывают в их сердцах отвращение к ней.

Бригида была послушной и прилежной дочерью, но сэр Ричард и его супруга Джейн всегда находили в ней что-то неказистое, всегда обнаруживали в ней изъяны. Слава Богу, она была красива, так красива, что в этом краю ее прозвали «Пламенной Розой», казалось, она унаследовала легендарную красоту Елизаветы Вудвилл, но и это не спасало ее от насмешек и грубых замечаний родителей: к чему им такая красивая дочь, если они не могут уложить ее в постель короля и через нее добиться былого богатства и вернуть то, что он у них отобрал?

– Приведи ее в порядок, и пусть наденет лучшее свое платье, – сказал сэр Ричард своей супруге, даже не удостоив дочь взглядом. – И пошевеливайтесь: король должен увидеть ее во всей красе! Ведь кто знает, возможно, он вдруг решит поехать дальше? Этот Генрих такой непредсказуемый! – Он торопливо покинул покои дочери, не забыв громко хлопнуть дверью.

– Король? – непонимающе спросила Бригида, все же подняв на мать взгляд.

– Дождь залил тебе уши? – скривила лицо леди Джейн. – Да, король здесь! Со всей своей свитой! Он здесь, а ты посмела явиться, покрытая грязью! Или это коровий навоз?

– Всего лишь грязь, матушка…

– Мэри! – не дослушав слова дочери, громко крикнула леди Джейн. – Мэри! Да где ходит эта лентяйка?!

– Я здесь, моя леди! – В покои тихо, как мышь, юркнула пожилая служанка, с сильными грубыми, как у мужчины руками, и покрытым глубокими морщинами лицом.

– Принеси воды и отмой эту свинью. Да поживее! – сдвинув брови у переносицы, приказала леди Джейн и через миг исчезла за дверью.

Глава 2

– Ты должна поприветствовать их так, чтобы потом они разглядели твое лицо в тысячах других. Говорят, с тех пор, как король увлекся Анной Болейн, он и его супруга… Как бы сказать помягче… Он не приходит в ее спальню уже два года и все свое время проводит со своей фавориткой… – громким шепотом говорила леди Гильда Нортон, помогая своей белокурой дочери сменить мокрое насквозь платье на великолепное, совсем недавно сшитое, украшенное белыми жемчужинами голубое шелковое платье.

– Затяните киртл (подобие корсета того времени. Прим. Автора) потуже, матушка… Да, вот так, моя талия должна быть тонкой, как талия бабочки, а грудь высокой и налитой нектаром, – перебила Альенора мать: в то время, как леди Гильда наряжала ее для того, чтобы она смогла привлечь к себе внимание королевских особ, девушка тщательно расчесывала широким деревянным гребнем свои влажные волосы. К счастью, жаркий огонь камина, у которого стояли дамы, смог иссушить белые кудри Альеноры почти полностью. – Но вы правы, матушка: о том, что Его Величество увлечен леди Анной Болейн, знает вся Англия… Да что там! Вся Европа! Должно быть, племянник королевы рвет и мечет, зная, с каким пренебрежением относится к ней ее супруг и половина королевского двора!

– Не только он, но и вся Испания гудит, как пчелиный улей! Генрих и раньше не упускал возможности уложить в свою постель юных красавиц, но всегда возвращался к Екатерине. Но с Анной Болейн все по-другому. Она отравляет его разум уже несколько лет, и это неслыханно! Он никогда не держался за подол платья одной и той же дамы так долго.

– Значит, в этой женщине есть что-то особенное, – глубокомысленно заключила Альенора. – Мне ни капли не жаль королеву: она старше Генриха, к тому же так и не принесла ему наследника, а ведь он так нужен. Нужен не только королю, но и всей Англии!

– Тише, любовь моя, попридержи язычок! – шикнула на дочь леди Нортон и так сильно потянула за шнуровку киртла, что та даже выдохнула – так туго он был затянут. – Екатерина – великая женщина! Ее родители – Изабелла и Фердинанд! Когда она была молодой, Генрих был без ума от ее красоты и женился на ней, несмотря ни на предостережение своей строгой бабушки, ни на недовольство двора…

– Вы сами сказали это, матушка: «Когда она была молодой»! – хихикнула девушка, откладывая от себя гребень и расправляя складки на подоле своего богатого платья.

– Но ты ни разу не видела ее, как ты можешь смеяться над ней? – недовольно проворчала леди Нортон. – Я увидела ее в холле и даже посмела сказать ей пару слов, и она так ласково ответила мне… Екатерина все еще красива, а ее осанка так величественна, что ты без слов поймешь: перед тобой стоит королева Англии. Она любима народом, как и ее дочь Мэри. И, запомни мои слова, дорогая моя: Анна Болейн не выиграет битву за сердце Генриха. Он вернется в спальню своей законной супруги и зачнет с ней сына.

– А что станет с Анной? – равнодушно спросила Альенора.

– Понятное дело, ее отошлют домой, или, что еще хуже, прогонят со двора и покроют ее имя вечным позором… Ах, моя красавица дочь! Ты сияешь, как солнечный зайчик в темной комнате! – Леди Нортон прошлась вокруг своей дочери и, взяв ее тонкие нежные ладони в свои, добавила: – Ты затмишь всех! Даже эту бесчестную фаворитку короля!

– Увы, матушка, Бригиду мне не затмить, – несколько раздраженно бросила на это Альенора.

Белокурая, с голубыми, как летнее небо глазами, Альенора была красавицей и знала цену своей красоте. И все же ее скромная подруга, названная сестра Бригида, медноволосая и сине-

глазая, превосходила ее красотой. Именно Бригиду называли «Пламенной розой», и в данный миг, когда замок Нортонов посетил король, Альенора чувствовала к ней легкую зависть.

«Да что же это! Бригида мне как сестра! Если король обратит на нее внимание, грех будет не порадоваться за нее! – пронеслось в разуме девушки, и на ее лице появилась легкая улыбка. – И ведь сама Бригида не желает другой участи, кроме как стать женой этого распутника Вильяма… Он пытался поцеловать меня. Дважды. Но я хорошо проучила этого дурака, вырвав густой клок его волос! А Бригида, кажется, влюблена в него… Бедная душа!»

– Возможно, красотой ты ей уступаешь, но во всем другом именно ты держишь первенство: ты прекрасно играешь на лютне и арфе, поешь так сладко, как птицы в мае, и танцуешь так грациозно, как плывет по реке белый лебедь. Тебе ли бояться, ангел мой? – с гордой улыбкой за успехи дочери, промолвила леди Нортон.

– Я не боюсь, матушка! Во мне нет ни капли страха! – нахмурилась Альенора. – Найдите поскорее служанку, чтобы она сделала мне достойную прическу, а сами найдите самый красивый чепец, который только имеется в нашем замке.

– Доверять такое дело служанке! Я сама причешу тебя, моя дорогая, – отозвалась хозяйка замка, схватила гребень и принялась за прическу Альеноры. – Как только король и королева сменят свои наряды, начнется пир. Твой отец велел подать на стол все самое свежее… Также для тебя уже поставлена твоя любимая арфа: мы заставим Генриха услышать твой голос и влюбиться в него… Ах, надеюсь, он потанцует с тобой и ни разу не взглянет на Бригиду!

– Бригида мне как сестра, матушка. Не говорите о ней плохо, – прохладным тоном напомнила девушка матери.

– Конечно, мой ангел, я знаю это и желаю ей только счастья, – улыбнулась леди Нортон, подумав про себя, что в борьбе за внимание короля, дружба и сестринская любовь меркнут так же быстро, как уходит солнце в зимние дни. – Я слышала, твой кузен интересовался нашей красавицей Бригидой… Они были бы хорошей парой.

– Ну, что вы, этот разиня Оуэн и мизинца ее не достоин! Тощий, как скелет, уродливый глупый карлик! – фыркнула Альенора.

– Оуэн – наследник твоего дяди, и после его смерти унаследует его земли и замок… Не забывай, в каком положении находится семейство Гизов. Кто еще захочет жениться на дочери опального бывшего советника?

– Кто-то да женится. Она настолько прекрасна, что, увидь ее какой-нибудь холостой принц из Европы, он бы без раздумий забрал ее с собой и посадил бы на свой престол.

– Именно поэтому, дочь моя, Генрих должен видеть и слышать тебя, а не ее, – многозначительно сказала леди Нортон. – Сияй, как золотой перстень на солнце, искрись, как чистый изумруд, будь живой и смешливой, и сам король Англии упадет к твоим ногам.

– Ах, матушка, вы забываете о том, что его сердце принадлежит Анне Болейн! Как мне сравниться с ней в искусстве соблазнения? Нет уж, король мне и даром не нужен! Мне хватит и молодого красивого герцога! – рассмеялась Альенора, а ее мать терпеливо вздохнула и продолжила свой нелегкий труд.

Когда Альенора и Бригида, в сопровождении родителей, вошли в зал, в котором уже собралось не менее ста гостей, которые входили в свиту Его и Ее Величеств короля и королевы Англии, их красота была тотчас замечена, и уже через несколько мгновений девушек окружили молодые приближенные Генриха, среди которых так же был старший брат Анны Болейн Джордж. Этот вельможа так и вился вокруг Бригиды, но быстро нашел ее скучной и пресной и обратил все свое внимание на ее подругу. Вскоре медноволосая мисс Гиз, несмотря на свою неповторимую внешность, стояла у стены, рядом с испанскими фрейлинами королевы Екатерины, а Альенора смеялась и шутила в толпе поклонников. Действительно: леди Нортон не

солгала, сказав, что Альенора всегда берет верх над своей почти сестрой. Кому нужна красивая, но тусклая драгоценность, когда можно взять другую, менее красивую, но сияющую?

Флиртуя с Джорджем Болейн, который, впрочем, уже был связан узами с Джейн Паркер, фрейлиной королевы, Альенора незаметно искала взглядом короля Генриха. Ей было известно, что король обладал высоким ростом и громким голосом, однако среди гостей не было ни одного похожего на это описание мужчины.

Король не явился. Королева тоже. И, услышав от одной из фрейлин, что Их Величества решили отдохнуть и присоединятся к хозяевам гостеприимного замка Нортон лишь завтра за завтраком, присутствующие в обеденном зале зашептались. Кто-то из придворных выглядел весьма недовольным, а на лице некоторых, в том числе и семейства Болейн, сияла понимающая улыбка. Болейны знали: король и королева крупно поссорились. В который раз. Но, кажется, Екатерина Арагонская настолько сильно уязвила своего супруга своей выдержкой и стойкостью, что тот не желал никого видеть, даже свою дорогую Анну, которая, однако, не посчитала нужным также остаться в своих покоях и вовсю веселилась, как и все другие представители королевской свиты.

Кое-кто из леди, приближенных к Анне Болейн, посмеивались и шептались так громко, что и Бригида, и Альенора могли без труда расслышать их разговоры, которые не сумела заглушить даже музыканты, играющие на лютне, флейте, ребеке и блокфлейте.

«Отец недоволен… Того и смотри, разобьет что-нибудь от злости! – хихикнула про себя Альенора. Она нисколько не расстроилась оттого, что не увидела Генриха Восьмого этим вечером, ведь кружок поклонников, наперебой слагающий в ее честь сонеты, не давал ей скучать. – Но вы только взгляните на мисс Болейн! Какая грация, какая величественная осанка и взгляд волчицы! Но говорить, что она красива, я бы не стала. Да, миловидна, приятные черты лица… Но и все. И чем только она так заворожила короля? Ее сестра Мэри намного красивее… Эти горящие золотом волосы! Недаром она была в его постели и родила ему двух бастардов… Которых, однако, он так и не признал. Подумать только: две сестры, и обе сумели покорить Генриха! Должно быть, мисс Мэри обидно видеть успех младшей сестры… Должно быть, ее сердце обливается кровью от того, что отец ее детей предпочел ей ее родную сестру!»

Альенора была права: мисс Болейн, фаворитка короля Англии, соперница королевы Екатерины, не была писаной красавицей, но что-то в ней было мистическим, притягательным, даже колдовским. Ее глаза, грациозные движения, высокая молочно-белая грудь, черные волосы… И французский акцент, который она без зазрения совести использовала, недаром же она провела свои юные годы жизни при дворе французской королевы! Эта женщина знала себе цену и знала, как удержать короля. Она была строптивой и страстной, именно такой, какой желал видеть ее Генрих. Анна видела, как раздражает короля послушание и спокойствие его супруги, и играла на этом. Любила ли она его? Об этом было известно лишь ей самой.

Любил ли Анну Генрих? Любил. Отчаянно. Он желал обладать ею. Желал, чтобы его супруга умерла и оставила его вдовцом, тогда бы он женился на любимой женщине и короновал ее королевой Англии. Она подарила бы ему долгожданного сына, наследника. К сожалению и раздражению фаворитки и ее любовника, Екатерина Арагонская обладала железным здоровьем и умирать не собиралась. Им оставалось лишь ждать того счастливого дня, когда королева покинет этот мир и освободит место для мисс Болейн.

Пир, на котором подавались жареные фазаны, гуси и несколько молодых поросят, засахаренные фрукты, пироги с рыбой, яйцами и фруктами, и еще многие изысканные и не очень блюда, подошел к концу лишь к полуночи, после того как гости и хозяева вдоволь наелись, посплетничали, пофлиртовали и натанцевались.

– Ах, ты видела меня? Я блистала, как начищенная золотая монета! – мечтательно сказала Альенора подруге, когда те зашли в ее большую, роскошно обставленную комнату, чтобы обсудить прошедшее веселье и гостей.

– Ты всегда сияешь. И этим вечером даже мисс Болейн померкла рядом с твоим сиянием, – улыбнулась Бригида. – Жаль, что король и королева не были там с нами… Я хотела бы взглянуть на Екатерину. Я никогда не видела ее, но отец много рассказывал о ней.

Девушка деликатно промолчала о том, что ее отец не упускал ни единой возможности, чтобы оскорбить имя любимой всей Англией испанки: «Она похожа на старую гусыню. Того и гляди загогочет!», «Ей уже давно пора в могилу! Пусть освободит место для порядочной английской дамы!» «Генриху до нее дела нет. Он окутан острыми лозами очередной девчонки из семейства Болейнов, а она только и рада этому».

– И что он рассказывал? – с интересом откликнулась Альенора. Она села на застеленную алым бархатным полотном кровать и с удовольствием сняла с ног новенькие, сделанные из мягкой кожи, сапожки на высоком каблуке.

– Что она… Она любит своего супруга, а он ее нет, – тихо промолвила Бригида и тяжело вздохнула: она не была знакома с этой женщиной и даже не знала, как она выглядит, но чувствовала к ней жалость.

Должно быть, тяжело королеве смотреть на супруга, открыто презирающего ее и отдающего предпочтение придворным красавицам… Обе сестры Болейн побывали в его постели, а мисс Мэри даже родила ему двух детей. И все же эти девушки были лишь одними из тех несчастных, по мнению Бригиды, которым не посчастливилось обратить на себя внимание короля. Ведь если он захочет позвать девушку в свою опочивальню, она не может ему отказать. Он король. Король Англии.

– Она старше его. Что ты хотела? Конечно, ему хочется тело помоложе да послаще, – с безразличием пожала плечами Альенора. – Жаль, что он не спустился. Я бы смогла заставить его пригласить меня на танец.

– О, в этом у меня нет никаких сомнений, – тепло сказала Бригида. Она подошла к подруге, села рядом с ней на кровать и с любовью потрепала ее по румяной после вина и танцев щеке. – Только не думаю, что мисс Болейн позволила бы ему это.

– Она всего лишь его любовница! – с иронией в голосе заметила Альенора и сжала Бригиду в своих объятиях. – Ты лучше расскажи, что Вильям? Уже попросил у твоего отца твоей руки?

– Я, право, не знаю… Я еще не имела с ним беседу на этот счет… Но он танцевал со мной! Держал мои ладони в своих… Я бы так и оставалась с ним в этом зале, танцуя и не говоря ни слова! – страстно прошептала Бригида. – Он танцевал с тобой? Мне пришлось выйти из зала… Мать позвала: сказала, что мое лицо стало слишком румяным.

– Твоя мать бессердечная женщина, прости, что я так откровенно говорю это… Но заставить выйти тебя из зала потому, что ты покрылась волнительным румянцем после танца с возлюбленным? Да еще и твоим будущим женихом! – недовольно проворчала Альенора.

– Она заботится о моей репутации, – с горечью в душе сказала Бригида, и, когда подруга выпустила ее из объятий, она положила свою медноволосую голову на оголенное плечо Альеноры. – Но ты танцевала с ним?

– Всего один танец. Самый быстрый. Он такой неуклюжий, как медведь! – поспешила солгать Альенора: она знала, какая любовь к Вильяму таилась в сердце Бригиды, и не желала вызвать ее ревности. К тому же этот юноша был ей безразличен.

– А мне казалось, что мы парим в облаках! – Бригида улыбнулась и закрыла глаза, вновь видя перед собой красивое гордое лицо ее дорогого Вильяма. – Не могу дождаться того момента, когда он назовет меня своей!

– Пока ты танцевала с другими мужчинами, Вильям не отрывал от тебя взгляда, – тоже улыбнулась Альенора. – Хочешь горячего вина? Позовем служанку?

– Не нужно. Уже так поздно… Ты думаешь, он любит меня? – с замиранием сердца спросила Бригида.

– Конечно, любит! – Альенора с силой сжала ладонь подруги. – Конечно, любит и ревнует тебя к другим мужчинам!

– Я не усну этой ночью… Точно не усну! – прошептала Бригида.

Каждая клеточка ее тела трепетала от мысли, что Вильям Тьюри, сын богатого вельможи и избранник ее юного чистого сердца отвечал ей взаимностью. И пусть он не показывал это так открыто, как ей бы того хотелось, пусть он вовсю флиртовал с другими дамами и танцевал с мисс Болейн… Он любит ее и сделает своей женой перед лицом Господа.

Какое это счастье! Какая сладость ждет ее!

Поцеловав подругу в лоб, Бригида пожелала ей спокойной ночи, взяла один из подсвечников, вышла из покоев и, освещая коридор танцующим светом одинокой свечи, направилась в покои отца: ей натерпелось услышать от него, что он выдает ее за Вильяма. Ей необходимо было услышать это перед тем, как она ляжет спать.

Подойдя к дверям опочивальни отца, Бригида робко постучала и тут же услышала резкое: «Войдите!». Это придало девушке храбрости, и, набрав в легкие побольше воздуха, она открыла дверь и зашла в покои.

Сэр Ричард не думал укладываться в постель: он сидела за дубовым столом, на котором тускло горел подсвечник с двумя свечами, и писал письмо. Слышался скрип наточенного пера, которое с силой надавливали о желтый пергамент.

– Все еще не спите? – ласково улыбнулась Бригида, стоя в дверях и не решаясь подойти к отцу.

– Как видишь, – коротко бросил тот, даже не взглянув на дочь. – Что тебе?

– Отец, я… Я слышала, что Вильям Тьюри попросил сегодня руки одной девушки… – Бригида прерывисто задышала: ее объяло волнение, и слова, которые она так тщательно подобрала на пути к отцу, застряли в горле.

– Попросил, – было ей ответом.

– И когда же будет наша свадьба? – Душа девушки озарилась божественным светом: это свершилось! Скоро она выйдет замуж за любимого мужчину, и он увезет ее в замок своего отца!

– Ваша? – с насмешкой в голосе переспросил сэр Ричард.

Перо в его пальцах замерло.

– Он попросил моей руки! – дрожащим и торжественным тоном напомнила Бригида.

– Он попросил руки. Но не твоей.

– Не моей? Но… Чьей же?

– Вильям имел беседу не со мной, а с сэром Нортоном. Он просил у него руки дочери.

– Альеноры?! – ахнула девушка, и ее грудь пронзила такая боль, будто ее насквозь прошел острый меч, который иногда носил на своем поясе, в украшенных золотом ножнах, Вильям Тьюри. – И что… Что ответил ее отец?

– Он был рад. Свадьбе быть.

Глава 3

– Дочь моя, что ты себе надумала? – нахмурился сэр Ричард. – Какие глупости живут в твоей пустой голове? С чего бы Вильяму Тьюри желать тебя в жены? Я беден! Все по вине этой ведьмы Анны Болейн!

– Но как? Этого не может быть, отец, вы ошибаетесь! – вырвалось из груди бедной девушки. Ее губы задрожали, а на глаза навернулись слезы разочарования и обманутой надежды.

Как жестоко она ошиблась!

– Хватит с меня твоей глупости! Ступай в свои покои! – раздраженно бросил сэр Ричард.

– Отец, он не мог попросить руки Альеноры…

– Я сказал вон!

– Прошу вас… Я люблю его! Люблю всем сердцем! – отчаянно вскрикнула Бригида. – Думаю, он был пьян… Он напился и принял Альенору за меня!

– Он попросил руки у ее отца, – деловито заявил сэр Ричард и вновь принялся за письмо. – Это мне не повезло с дочерью. Хоть ты и красива, но толку от тебя, что от этого стола… Хотя и от стола имеется толк, а ты приносишь лишь растраты. Такая дылда, а до сих пор никто не изъявил желания жениться на тебе.

– Это все ваша вина, сэр… Это вы ввергли нашу семью в опалу! – прошептала Бригида, но так тихо, чтобы ее строгий жестокий отец не расслышал и не наказал ее мокрыми розгами.

– Поучись у своей подруги. Она знает, как заинтересовать мужчину, а ты весь вечер стояла у стены с таким лицом, будто овца на бойне. Ступай в свои покои. Это приказ.

Холодный голос отца заставил Бригиду вздрогнуть: он использовал свои голосовые связки с таким искусством, что щеку девушки словно ударила жестокая твердая ладонь.

– Как скажете, отец. – Она сделала реверанс и вышла в темный коридор.

Когда Бригида закрывала дверь, порыв воздуха затушил свечу, которую она держала в руке, и девушку встретил ночной мрак, так как, несмотря на свое богатство, хозяин замка лорд Нортон не желал тратить деньги на свечи или факелы в коридорах, ведь они стоили немало, а сгорали быстро. Но темнота никогда не пугала Бригиду: она была ее верной подругой, когда ночами ей не спалось, и девушка в красках представляла себе Вильяма, свадьбу с ним и первую брачную ночь. Но все это было лишь глупыми и несбывшимися мечтами: Вильям желает Альенору! Это ее он хочет видеть своей супругой, ее хочет ласкать в супружеской спальне, ее видит матерью своих детей! А она, Бригида, ни на что не способна… Так сказал ее отец.

Поставив подсвечник на пол, отчего по коридору пронесся глухой стук, Бригида оперлась рукой на стену, ибо ноги не держали ее, а вторую ладонь положила на золотую цепочку с крестом, украшающую ее шею. Ее легкие, стесненные тугим киртлом, отказывались служить ей, и она ловила губами воздух, как рыба, случайно выпрыгнувшая из воды на сушу.

Как это случилось? Не она ли проводила в молитвах каждый день? Не она ли горячо просила Всевышнего дать ей любовь Вильяма? Неужели мало молилась? Неужели просила недостаточно смиренно? Она была послушной дочерью и, несмотря ни на что, с ее губ не сорвалось ни единое грубое слово о родителях. А Альенора? Чем она заслужила?

«Вильям… Мой Вильям! Ведь ты даже не представляешь, что разбил мое сердце! Ты подарил мне танец и улыбался мне, но твои мысли были не со мной, а с ней… А ты, Альенора, сестра моя? Знала ли ты о его любви? Ты убеждала меня в том, что он будет моим, но вместо этого к брачному алтарю пойдешь ты… И это твое тело он будет ласкать, целовать твои губы и слагать о тебе сонеты… А я ничто… Разочарование. Но, дорогая сестра, это не твоя вина» – с тоской думала девушка. В чаше, которую она собиралась испить, оказался не элексир счастья, а горечь, и она выпила ее до дна.

Немного придя в себя, Бригида направилась в покои Альеноры. Ее глаза, привыкшие к темноте, легко различали знакомый путь, а мягкий свет растущей луны подбадривал ее искать ответа у подруги. Альенора не стала бы лгать ей в лицо, ни за что бы не стала, и, если бы у нее вдруг появились нежные чувства к Вильяму, она подавила бы их в себе, ведь знала: Бригида полюбила его первой. Еще давно, будучи маленькими девочками, девушки поклялись друг другу, что ни один мужчина не разлучит их и не станет угрозой их дружбе: та, что влюбляется первой, всегда ею и будет. Бригида надеялась, что Альенора еще не легла спать, ей не хотелось бы будить ее после утомительного вечера, лишь ради того, чтобы задать ей единственный вопрос: «Но как так получилось?»

К счастью, Альенора не спала, и вместо лежащей в кровати подруги, готовой упасть в объятия Морфея, Бригида увидела ее в гневе.

– Прошу прощения, я не знала, что у вас намечался семейный совет, – тихо сказала Бригида, когда сэр и леди Нортон нахмурено взглянули на вдруг открывшуюся дверь и нежданную посетительницу.

– Должно быть, ты пришла пожелать Альеноре спокойной ночи, дитя мое? – улыбнулась леди Нортон: Бригида была мила ее материнскому сердцу, и она не желала обидеть ее приказом выйти вон из комнаты.

– Именно так, моя леди… Спокойной ночи, Альенора… Спокойной ночи, сэр и леди Нортон… – Бригида сделала глубокий реверанс и хотела было покинуть покои подруги, как услышала громкий твердый голос Альеноры.

– Останься, Бригида! Это касается и тебя!

– Дочь моя, Бригида устала и… – ласково начала леди Джейн.

– Бригида, Вильям Тьюри сделал мне предложение! И я клянусь, что никогда не помышляла о том, что он захочет жениться на мне! – Альенора стремительно подошла к подруге, развернула ее лицом к себе и, увидев, что фиалковые глаза Бригиды были полны слез, схватила ее в свои объятия. – Я не желаю этого брака! Я не люблю его и никогда не полюблю!

– Дорогая, Вильям красивый здоровый мужчина! В него влюблены многие дамы, но он выбрал тебя! Это такая честь! Он сын знатного человека, и такой шанс дается лишь раз в жизни! – рассудительным тоном заметил сэр Нортон.

– Говорите, что угодно! Я не выйду за него! И завтра я скажу ему это в лицо! Сама! – низким, полным уверенности голосом сказала Альенора, все еще обнимая подругу.

– Не нужно… Не нужно жертвовать своим браком ради меня! – шепнула ей на ухо Бригида. – Я смирюсь… Он прекрасный юноша и принесет тебе счастье!

– Не мне он должен принести счастье, а тебе! – упрямо шепнула на это Альенора.

– Дочь моя, я все решил! Я уже дал отцу Вильяма свое согласие! – насупился хозяин замка.

– Вы дали его, не спросив меня, отец, а значит, это согласие ничего не стоит! – бросила Альенора. Она отстранилась от подруги, положила свои теплые ладони на ее щеки и улыбнулась: – Он женится на тебе… Только на тебе! Клянусь своей жизнью!

– Не говори так… Вильяму я не нужна! Мой отец так и сказал: мы слишком бедны, чтобы найти мне богатого жениха, а семья Вильяма славится своим состоянием, – упрямо покачала головой Бригида. – И пусть мое сердце кричит от боли, я желаю ему только счастья…

– Какая глупость! – поморщилась Альенора, а затем громко объявила: – Все! Решено! Я не выйду за Вильяма Тьюри! Никогда! И не просите!

– Но почему? – заламывая руки, простонала ее мать. – Дочь моя, ты совершаешь ошибку! Только подумай, что о нас скажут! Что о тебе скажут! «Упустила свое счастье!»

– Мое счастье ждет меня в будущем, матушка. Кто знает, возможно, я смогу стать фрейлиной королевы! – обернулась Альенора к родителям, и на лице девушки была написана такая

решительность, что те пришли в отчаяние. – Отец, тебе стоит всего лишь шепнуть пару слов Его Величеству и попросить принять меня в свиту Екатерины.

– Если бы такие дела делались так просто, моя дорогая, все королевские дворцы Англии были бы переполнены юными красавицами-фрейлинами, – мрачно отозвался сэр Нортон. Упрямство дочери неприятно разочаровало его, но он, как никто другой, был знаком с характером Альеноры и знал, что все будет так, как решила она, а не он. В такие моменты он жалел, что в свое время не сумел взрастить в дочери страх и уважение к нему, а вместо этого баловал и во всем ей уступал. Так ему ли винить Альенору в эгоизме и непослушании? Нет, ему следовало благодарить себя самого: это он, садовник, вырастил эту голубоглазую лилию и дал ей слишком много свободы.

– Пойдем, дорогая… Наша дочь приняла неверное решение, но мы не сможем принудить ее принять наше, – вздохнул сэр Нортон и подал руку своей супруге.

– Конечно, не сможете, отец. Я вам не прислуга, чтобы вы принимали за меня решения, – прохладным тоном сказала Альенора. – Спокойной ночи, отец, спокойной ночи, матушка.

В эту ночь Бригида осталась ночевать в покоях подруги, и, крепко обняв друг друга, девушки тихо разговаривали при свете одиноко горящей свечи.

– Ты и вправду хочешь стать фрейлиной Ее Величества? – поинтересовалась Бригида.

– Почему бы и нет? – улыбнулась Альенора. – Блистать при королевском дворце! Мечта каждой девушки! А там отец подыщет мне супруга с титулом и богатым поместьем. Но он должен быть красивым, как брат мисс Болейн, иначе я ни за что не соглашусь делить с ним постель!

– Да, он красив… Но, кажется, его супруга ужасно ревнует его, – заметила Бригида, вспомнив, как Джейн Паркер целый вечер следила за своим мужем полным ревности взглядом, словно тот был ее собственностью.

Альенора мечтательно улыбнулась.

– Когда-нибудь я стану женой великого человека… Не только богатого и знатного, но и известного во всей Европе! Чтобы даже эти жалкие французы и испанцы сказали: «Ах, какая счастливица эта мисс Нортон! Ей удалось завоевать сердце такого мужчины!»

– Думаю, твой отец найдет для тебя такого, а тот увидит тебя и не устоит! Сразу поведет под венец! – хихикнула Бригида. – Ты… Ты поговоришь с Вильямом? Скажешь ему, что я буду ему самой верной, самой послушной женой в мире? Что я рожу ему много детей и сделаю его счастливым? – тихо добавила она.

– Завтра же этим и займусь, пока он не пошел искать утешения среди фрейлин королевы, – пообещала Альенора. – Но давай уже будем спать. Утром придется встать очень рано: а вдруг король спуститься к завтраку? Мы должны сиять, как самые яркие звезды в ночном небе.

Девушка задула свечу, подруги быстро пробормотали себе под нос молитвы и почти сразу уснули.

Еще до рассвета, когда хозяева замка и их гости мирно спали, прислуга уже была на ногах и выметала пыль, мыла полы, лестницы, готовила всевозможные блюда на завтрак знатным господам и делала это тихо, как мыши.

Сэр Нортон проснулся одним из первых и, как хозяин, быстро умылся, причесался, приказал одеть себя в синий бархатный костюм и спустился вниз, следить за подготовкой к появлению гостей. Сэр Нортон был требовательным хозяином, но в этот раз он был просто невыносим, а несколько оброненных зерен, обнаруженные им на толстом ковре зала для трапезы, рассердили его настолько, что, пообещал сэр Нортон, как только король и его свита покинут замок, он раздаст «нерадивым лентяям» слугам по два удара розги каждому. Напуганные слуги, повара и поварята удвоили свои усилия, и, к тому моменту, как Его Величества король и королева

Англии, одетые в чудесные наряды, вошли в зал, замок блестел чистотой, а все огромные комнаты и залы наполнял сладковатый аромат полевых цветов свежесобранных на лугах.

Генрих Восьмой, в сопровождении Анны Болейн, вошли в зал первыми. Королева Екатерина шла позади них под руку с Джорджем Болейном. Анна очаровательно и победно улыбалась, Екатерина же улыбалась спокойной вынужденной улыбкой. Этот контраст был настолько заметен, что ярые приверженицы королевы нахмурились и покачали головами. Семейство Болейнов, ступающее чуть позади короля и королевы, шли с такими гордыми лицами, будто Анна уже заняла трон соперницы, что приводило в гнев их врагов и недоброжелателей. Но этикет есть этикет, тем более, в присутствии своенравного короля никто не осмеливался раскрыть своего рта или насмешливо улыбнуться. Все помнили судьбу Гизов, оказавшихся в немилости из-за прямоты отца этого семейства.

Когда Их Величества прошли мимо, Бригида и Альенора медленно поднялись с глубокого до пола реверанса и устремили любопытные взгляды на властителей Англии. Но, если Альенора скользила оценивающим взглядом по Генриху, ее подруга с сочувствием смотрела на уставшее бледное лицо Екатерины, под красивыми глазами которой отчетливо были видны черные круги, верные признаки того, что ночью она не сомкнула глаз. Но эта женщина улыбалась и была приветлива, и это заставило Бригиду полюбить ее еще больше, чем она уже любила ее. Как и многие, находящиеся в этом замке, включая прислугу. Все видели, с каким пренебрежением король относился к своей законной супруге, королеве, и с каким трепетом он держал в своей ладони ладонь своей фаворитки. Анна была младше Екатерины, младше Генриха, и ее молодость, сияние и талант покорять сердца заставляли короля исполнять любое ее желание. Благодаря девицам Болейн, сперва Мэри, а затем ее младшей сестре Анне, их семейство возвысилось до невероятных высот и приобрело столько новых должностей, поместий и титулов, что им завидовали все другие знатные семьи, особенно Сеймуры, также пытающиеся уложить под похотливого Генриха одну из своих прелестных дочерей, фрейлин королевы Екатерины.

Их Величества подошли к высокому, стоящему выше других, столу, и королю пришлось неохотно отпустить ладонь Анны, чтобы занять место за столом, рядом с супругой, а Анне – сесть за стол для придворных, хотя, видит Господь, в своих мыслях она и все Болейны уже видели, как она прогоняет Екатерину в монастырь, и как на ее, Анны, темноволосую голову опускается золотая, богато украшенная корона королевы Англии. Ведь, когда это случится, Болейны обретут не только еще большую власть и влияние, но и станут родственниками будущего короля, когда Анна родит Генриху долгожданного желанного наследника, исполнит долг королевы, который не смогла или не желала исполнить испанская принцесса Екатерина.

Альенора всем своим существом чувствовала напряженность, стоящую в обеденном зале, и фальшь улыбок свиты. Она знала, что, волею судьбы, оказалась в самом центре королевских придворных интриг и борьбу за право обладать высоким, широкоплечим рыжеволосым мужчиной, которому принадлежала Англия, чтобы разделить с ним власть. Бригида же знала одно: за спокойной улыбкой Екатерины Арагонской скрывались боль и разочарование, и она молча наблюдала за тем, как ее собственный любимый супруг предпочитает ей миловидное личико молодой фаворитки. Невольно встретившись взглядом с королевой, Бригида вспыхнула и улыбнулась, а когда Екатерина улыбнулась ей в ответ, девушка с восторгом подумала: «Вы и только Вы наша истинная королева! Да благослови Вас Господь! Я буду молить Его вернуть Вам счастье и покой!».

Краем глаза заметив, с каким восторгом любуется королевой подруга, Альенора невольно улыбнулась, подумав о том, как же наивна и невинна Бригида. Сама же мисс Нортон ставила ставку на Анну Болейн и с интересом рассматривала ее тонкое лицо: оливкого цвета кожа, темные, почти черные глаза, того и смотри утонешь в них, темные волосы, едва виднеющиеся из-под богато расшитого золотыми нитями французского бордового чепца. Ничего особенного, самая обычная внешность, она Бригиде и в подметки не годится… Но было в мисс Болейн что-

то притягательное, что-то волшебное и необъяснимое, что очаровало проницательную Альенору. Сравнив старую королеву и молодую фаворитку, девушка без долгих раздумий решила, кого из них стоит поддерживать, и кто из них в конце концов останется с Генрихом. Нет, не дочь Изабеллы и Фердинанда! Не эта гордая, величественная испанская принцесса!

«Как только он избавится от старой жены, попрошу отца отправить меня ко двору, пусть приложит все усилия, чтобы сделать меня фрейлиной Анны. Вне всяких сомнений: она сядет на трон. Рано или поздно, Екатерине придется отойти в сторону. Служить такой королеве, как прелестная Анна, – одно удовольствие. Жаль, что сердце Бригиды будет разбито, но жизнь жестока, и выигрывает в ней тот, кто не боится делать высокие ставки» – подумала Альенора и, решив немного подшутить над подругой, шепнула ей:

– Мисс Болейн будет прекрасной королевой. Вся Европа будет завидовать нашему королю!

– Этого не случится! Екатерина, вот, кто была, есть и будет королевой Англии! – едва слышно, с негодованием в груди, ответила на это Бригида. – Альенора, я подумала, что не стоит тебе беседовать с Вильямом обо мне и говорить ему о моей любви. Не желаю, чтобы он женился на мне из-за сострадания.

– Как пожелает твое сердечко. Обещаю, что и слова ему ни скажу, – согласилась Альенора. – Но, если он не женится на тебе, то будет самым большим глупцом в мире! Но, думаю, мне стоит объяснится с ним: сегодня утром, еще до завтрака, мой отец сказал его отцу о том, что свадьбы не будет.

– И что тот? – поинтересовалась Бригида.

– Тот был в ярости. Но мой отец в милости у короля, поэтому сэру Тьюри пришлось проглотить свою обиду и принять мое решение… Бригида? – Альенора обеспокоенно всмотрелась в побледневшее лицо подруги и ее широко-раскрытые фиалковые глаза.

– Мне нужно уйти! – пискнула Бригида и желала было покинуть свое место, но Альенора успела схватить ее за широкий, расшитый рукав платья.

– Уйти? Это будет неуважение к королю! А если он увидит?

– Скажи, что мне стало дурно… Потом все тебе объясню! – Бригида силой вырвала свой рукав из ладони подруги, пригнувшись, попятилась, высвободилась из толпы и поспешила к дверям.

У дверей, как цепной пес, сторожил, прячась от мстительного взгляда Анны Болейн, сэр Гиз, отец Бригиды. Увидев дочь, сбегающую из зала, он кинул на нее убийственно-холодный взгляд, от которого та покрылась мурашками, но не остановилась.

Альенора была так обеспокоена внезапным уходом подруги, что ждала удобного момента, когда все начнут занимать места у стола, чтобы отправиться вслед за Бригидой и помочь ей. Однако, едва она сделала шаг к двери, как леди Нортон, вдруг оказавшаяся рядом с дочерью, мягко, но цепко взяла ее под руку и прошептала ей на ухо: «Пусть идет. Ты же не желаешь, чтобы король заметил ее, а не тебя? Это твой шанс привлечь к себе внимание!»

Альенора тяжело вздохнула, но справедливые слова матери заставили ее изменить свое решение, и, вместе, дамы грациозно направились к столу.

Глава 4

Она знала, что отец видел ее, знала, что он подумал и как сильно разозлился. Но Бригиде было безразлично, как долго отец будет унижать и оскорблять ее за внезапный уход из обеденного зала: ей хотелось лишь одного – запереться в своих покоях, лечь в постель и с головой укрыться одеялом. Она делала так, когда была маленькой девочкой, во время грозы, но в этот раз гроза застала ее в погожий летний день, и она инстинктивно желала скрыться ото всех, защититься добровольным затворничеством.

Теперь-то Бригида знала, кем оказались случайные свидетели ее позора. Леди и ее супруг на черной лестнице. В зале девушка узнала их голоса, и ее сердце забилось так быстро, как кролик, убегающий от злых охотничьих собак.

Узнала ли ее королева? Возможно. Но вряд ли бы она стала делать ей замечание, ведь она так добра и мила.

Король и королева видели ее покрытой грязью с головы до ног. Они смеялись над ней, правда, добродушно, но все же… Бригида не желала случайно попасться на глаза Его Величеству и выслушать его шутки о той неожиданной встрече… Она не желала слышать его голос совсем: помня о том, как жестоко и оскорбительно он разговаривал со своей супругой на лестнице, и то, как открыто унижает ее при собственном дворе, девушка возненавидела его, и ей неприятно стало даже находиться с ним в одном помещении. Нет, она на могла более выносить того пренебрежения и грубости, которую Генрих с таким удовольствием швырял в лицо своей законной супруге, королеве Англии.

Наблюдать за самодовольными улыбками Болейнов, которых мисс Гиз уже видела прежде, когда в последний раз посещала отца и мать в Лондоне, в те времена, когда он был советником короля, было выше ее сил. Она помнила эту жадную до власти семейку, которая к тому моменту уже успела положить в королевскую постель под похотливого Генриха другую Болейн, родную сестру Анны, Мэри. И, была уверена Бригида, они будут класть в его постель всех девушек из их рода, лишь бы оставаться у власти и влиять на короля. Они, как клещи, присосались к нему и никак не желали уступать свое место. Мисс Гиз знала всех Болейнов в лицо и ненавидела их. Также, как ее отец, которому одна единственная колкость в адрес Анны, завладевшей сердцем короля, наскучившего от плоти другой сестры, стоила ему должности, карьеры, титула и влияния. Да, Анна держала своей нежной ручкой Генриха в узде, как могучего, но глупого коня, и своими требованиями к нему развестись с Екатериной Арагонской, медленно, но верно отравляла жизнь последней… Нет, какое счастье, что отца изгнали со двора! Бригиде не приходилось видеть тот ежедневный ужас, который видели фрейлины королевы.

Как хорошо, что при дворе о существовании Гизов забыли. Пусть отец и мать Бригиды были озлобленны этим и стремились вернуться, сама девушка поклялась себе, что ее нога больше никогда не ступит туда, где обижают Екатерину, и где плетет свои темные интриги семейство Болейнов.

Зайдя в свои покои, Бригида поспешно сняла с головы чепец, легла на кровать и устало закрыла глаза.

– Пожалуйста, Отец Небесный, прошу тебя, освободи королеву от страданий! Верни королю разум и отверни его греха прелюбодейства! – горячо прошептала девушка и поцеловала маленький золотой крестик, украшающий ее шею. Ее схватили в плен эмоции, и она, закрыв лицо ладонями, тихо расплакалась. Тело горело, ей было жарко, но внутри девушка была охвачена холодом.

– Что ты себе позволяешь, негодная девчонка? Совсем от рук отбилась! Сейчас же возвращайся в зал и очаровывай короля! – вдруг раздался почти животный рык, от которого Бригида вздрогнула и испуганно распахнула глаза.

В комнату дочери вошел сэр Гиз. Он был взбешен, его глаза словно сыпали искры. Подойдя к кровати, он рывком заставил дочь лечь на спину и замахнулся своей большой сильной рукой.

– Отец… Не бейте меня! Не бейте! – прохрипела бедная девушка. От страха, тяжелых размышлений и оскорбленных чувств, она побледнела настолько, что это заставило ее тирана-отца удержаться от удара и подозрительно прищурить глаза.

– Притворяешься больной? – недоверчиво спросил сэр Гиз. Он не желал верить в то, что его дочери могло быть плохо: только не сейчас, когда внизу, в обеденном зале восседает сам король Англии! Она должна быть там, хоть при смерти, хоть в полуобморочном состоянии! Король должен увидеть ее редкостную красоту и пасть к ее ногам, забыть про ядовитую змею Анну Болейн!

– Не смею притворяться, сэр… Трудно дышать! – едва выдохнула Бригида, и вдруг руки, которыми она попыталась прикрыться от возможного удара отца, безвольно упали на кровать, зрачки ее глаз закатились, и веки плотно закрылись.

– Что с тобой, дрянная девчонка? – с некоторым страхом, но больше с гневом, промолвил сэр Гиз и, желая привести дочь в чувство, не жалея сил, ударил ее по белой щеке раскрытой ладонью.

Пощечина помогла: Бригида медленно открыла глаза и тяжело задышала.

– Вздумала заболеть? – Сэр Гиз еще несколько раз похлопал дочь по щеке, словно пытаясь вернуть ей румянец. – Бригида, я приказываю тебе… – Но вдруг побежавшие из глаз девушки слезы заставили его поморщиться. Его глаза округлились: именно так он потерял своего сына. Своего наследника.

Томас Гиз умер в возрасте пятнадцати лет. Его смерть была внезапной, ведь никто не ожидал, что высокий, широкоплечий сильный юноша покинет грешную землю за каких-то пару часов после того, как он слег в постель. Горячая липкая кожа, тяжелое обрывистое дыхание, закатывающие под веки зрачки… Томаса унесла горячка, неизвестно откуда взявшаяся, а теперь эта смертельная болезнь задумала отобрать у Гизов еще и дочь, их единственного ребенка.

Отца Бригиды охватил ужас: нет, он не желал потерять дочь! Господь, не забирай ее так рано! Он клянется больше никогда не оскорблять ее, но будет лелеять, как лелеяла своего Младенца-Спасителя благая Дева Мария! Смерть обоих своих детей он не перенесет! Он не в силах больше видеть, как навсегда исчезают в старом семейном склепе его дети, плоды его жизни!

– Дочь моя… – выдохнул сэр. Его лицо сделалось таким же белым, как лицо Бригиды. Он схватил девушку в объятья, крепкое прижал к себе и поцеловал ее горящий лоб. – Бригида! Останься с нами! Я не смог спасти твоего брата, но не позволю смерти забрать и тебя! Полежи, дочь моя… Я позову твою мать… Она знает, что делать! – Сэр Гиз осторожно положил дочь обратно на постель, с чувством поцеловал ее влажную от пота руку и, как стрела, выбежал из покоев, громко призывая прислугу.

«Любите своих детей, пока они живы. Слезами их из смерти не поднять». Жестокий отец, насмехающийся над чистой первой любовью своей дочери, унижающий ее за малейший пустяк и не раз бивший ее по рукам тонкой розгой, только теперь осознал, что любит Бригиду, и что, если потеряет ее, то потеряет все…. В том числе возможность вновь возвыситься. Ведь, если Бригида, самая красивая девушка во всей Англии, умрет, у него не останется ни единого шанса вернуться во дворец и получить обратно свои титулы и земли. Но, несмотря на алчность и холодный расчет, быстро шагая по коридору, сэр Гиз думал только об одном: он не может

потерять еще и дочь! Умрет она, умрет и его душа. А что станет с ее матерью? Она помешается от горя! Бог с ним с королем! Пусть развлекается со змеей Анной Болейн, пусть эта семейка продолжает и дальше отравлять разум дурака Генриха! Ему нужно спасти свою девочку, свою Бригиду, единственное свое дитя.

– Ты! Принеси в покои Бригиды холодной воды и чистых тряпок! Сейчас же! – грубо приказал сэр Гиз первой попавшейся ему под руку служанке, а та, даже уронив метлу от неожиданности, подняла подол своего старого платья и побежала выполнять то, что ей поручили.

«Я умираю? Но как же Вильям?» – пронеслось в бреду воспаленного мозга Бригиды. Ей было так жарко, что она желала снять с себя всю одежду и остаться нагой, но ее тело настолько ослабло, что она не могла пошевелить даже пальцами рук. Кожа головы под тяжелым испанским чепцом намокла, волосы слиплись, лоб был усыпан каплями пота. Девушке казалось, что ее живьем сжигали на костре, как ведьму.

Однажды она видела, как сжигали ведьму. Это была молодая женщина с длинными черными волосами и голубыми глазами. Ее, одетую лишь в порванное нижнее платье, под свист и проклятия толпы привязали к столбу, окруженному сухим хворостом и сеном, и вскоре от нее остался только угольный силуэт. Бригиде казалось, что это она была той ведьмой, что это ее тело жадно пожирало пламя.

– Альенора, прощай, сестра! Вильям, любовь моя… – едва слышно прошептала девушка. – Господи, сохрани королеву!

Через миг ее поглотила темнота.

Когда девушка вновь открыла глаза, солнце уже село за горизонт, и на Англию опускались вечерние сумерки. Однако Бригида не могла понять, сколько времени она была без сознания: большие окна ее покоев были плотно закрыты темными шторами. В воздухе был явственно слышен аромат сена и цветов: это мать девушки приказала устелить пол, чтобы облегчить тяжелую участь дочери и придать спертому воздуху маленьких покоев свежести. В камине жарко горел огонь, и рядом с ним, заснув в кресле, сидела леди Гиз. Лишь пламя камина освещало комнату, но этого было довольно, чтобы прогнать темноту, а полумрак был даже приятен усталым глазам Бригиды.

Бригида нашла в себе силы слегка приподняться на подушках и обнаружила, что лежит в постели лишь в одной ночной рубашке, а ее волосы заплели в косу, чтоб не мешали.

«Значит, я все еще жива… Но как болит все мое тело! Ноет каждая косточка!» – невольно пронеслось в разуме девушке. Несмотря на боль, Бригида чувствовала себя немного лучше: жар, сжигающий ее, пропал, но кожа оставалась горячей и липкой, и ночная рубашка неприятно липла к телу.

– Матушка! Матушка, это вы? – тихо спросила девушка. Ее голос прозвучал надрывисто и с придыханием, но леди Гиз не шелохнулась: она крепко спала. – Матушка! – напрягая все силы, оставшиеся в ней после приступа, повторила Бригида, и в этот раз усталая женщина медленно открыла глаза. – Матушка! Как я рада, что вы здесь! – громко прошептала Бригида, и попыталась протянуть к матери руку.

– Лежи, дитя мое, не двигайся! – ласково сказала леди Гиз, поспешно вставая с кресла и подходя к дочери. Она встала на колени у изголовья кровати, не жалея бархатной юбки своего платья, и взяла ладонь дочери в свою. – Мы там испугались! У тебя был приступ, а мы ничего не могли сделать! – Она всхлипнула и нежно погладила лицо Бригиды, бледное и горячее.

Услышав о том, что Бригиде сделалось плохо, что, кажется, на нее напал приступ горячки, леди Гиз поспешила к ней, позабыв о короле, королеве и завтраке. Она была жестока к своей дочери и никогда не находила для нее ласкового слова, но теперь, когда ее дочь была на смертном одре, материнская любовь, прятавшаяся глубоко в ее душе, охватила все ее существо. Она провела в комнате Бригиды весь день, не отходила от нее, собственноручно раздела ее и переодела в ночную рубашку, смачивала лоб девушки мокрыми тряпками и горячо молилась.

Лишь к вечеру, когда Бригида перестала метаться в постели, леди Гиз позволила себе немного отдохнуть в кресле у камина, и, едва села, как тотчас заснула. Как и ее супруг, эта женщина каждую секунду страдала от потери любимого сына, и возможная потери дочери сделали ее именно такой, какой и должна быть мать – любящей и заботливой.

– Отец очень сердится? – На губах Бригиды появилась едва заметная улыбка: она никогда в жизни не видела свою мать такой… Такой близкой, такой нежной к ней.

– Он не сердится, дитя мое! Не сердится совсем! Как он может? Мы едва не потеряли тебя! – Леди Гиз широко улыбнулась, и по ее щеке пробежала слеза радости: ее дочь жива! Господь пощадил ее!

– Но он так желал, чтобы я сошла в низ и улыбалась королю…

– Ах, забудь! Твоя жизнь нам намного дороже, чем все короли мира и все их сокровищницы! Я знаю, мы были строги с тобой, порой, слишком… Но мы твои родители, и мы любим тебя. – Эти слова дались леди Гиз с некоторым трудом, ведь это был первый раз, когда она сказала Бригиде о своей материнской любви.

– Я постараюсь выздороветь как можно скорее… – начала было девушка, крепко сжав ладонь матери.

– Король уехал, – коротко сказала ее мать.

– Уехал? Так быстро? – удивилась Бригида.

– После завтрака он и его свита продолжили путь. Между Генрихом и королевой произошла неприятная сцена, и он так разозлился, что тотчас покинул замок.

– Бедная Екатерина! – поморщилась Бригида, чувствуя к королеве неподдельную жалость. – Это все из-за Анны Болейн, не так ли?

– Я не знаю, с чего все началось, но он вдруг поднялся со своего места, обвинил Екатерину в неуважении, взял под руку эту девицу Болейн и покинул зал. И уже через час все уехали… Но тебе не стоит беспокоиться о королеве: она знает какой у Генриха вспыльчивый характер. – Леди Гиз замолчала, не желая рассказывать больной дочери о том, с какими наглыми ухмылками наблюдало за сценой семейство Болейнов. – Тебе нужно отдохнуть. И мне… Совсем немного, я обещаю, что вернусь к тебе через пару часов… Альенора требовала, чтобы ей разрешили ухаживать за тобой, но твой отец не впустил ее.

– Это мудрое решение. А вдруг она заразится? Она обладает на удивление крепким здоровьем, но пусть лучше молится за мою душу, так ей и передайте, матушка, – вновь улыбнулась Бригида. Она не желала отпускать мать, теперь, когда та так сильно изменила к ней отношение, но понимала, что той необходим был отдых. – Идите, матушка, я чувствую себя лучше. Если боитесь за меня – оставьте ночевать со мной служанку.

Леди Гиз поцеловала лоб дочери, заботливо взбила подушки под ее головой и, еще раз подарив Бригиде поцелуй, в который она вложила всю свою проснувшуюся в ней любовь, покинула покои.

Бригида закрыла глаза и, стараясь не думать ни о королеве, ни о Вильяме, попыталась заснуть, но вдруг дверь вновь отворилась, и в комнату, одетая в ночные платье и чепец, прошмыгнула Альенора.

– Не подходи ко мне! А вдруг заразишься? – с тревогой, смешанной с радостью, воскликнула Бригида.

Но Альенора не стала слушать подругу, подошла к кровати и села рядом с Бригидой.

– Король уехал, – было первым, что услышала больная.

– Я знаю. Матушка уже сказала мне, – промолвила Бригида.

– Ты такая бледная… Моя бедная, моя хорошая… – Альенора намочила тряпку и стала обтирать лицо подруги. – Как ты всех нас напугала! А мне даже не дали заботиться о тебе!

– Прости…

– Глупенькая, разве за такое просят прощения?

– Думаю, тебе лучше покинуть меня. Твои родители будут очень опечалены, если ты тоже сляжешь, – слабо улыбнулась Бригида. Но как ей нравилась забота ее подруги! Голос Альеноры подбадривал, обволакивал, как красивая бодрая песня.

– Не слягу. У меня просто непобедимое здоровье, как говорит моя бабушка! А она у меня мудрая женщина, много чего увидела и познала за свою жизнь. – Альенора деловито продолжала обтирать лицо подруги мокрой тряпкой, а затем прикоснулась ко лбу Бригиды внутренней стороной ладони. – Не помогает… Ты вся горишь.

– Но я чувствую себя намного лучше, чем утром… Как жаль, что я не смогла хоть, словом, обмолвиться с королевой Екатериной. Она выглядела такой печальной, а королевская свита будто вовсе не замечала ее. Будто она была брошена всеми, – вздохнула Бригида.

– Она сама виновата. Если бы она не выставляла королю столько требований насчет Анны Болейн, он поигрался бы с этой красавицей, а затем променял бы ее на другую, как он обычно делает. Мой отец рассказывает мне обо всем, что происходит при дворе. Когда он там, я получаю от него пространные письма, а когда он приезжает домой на неделю или две, мы только о дворе с ним и беседуем. Я уговариваю его взять меня с собой и представить королеве, но он говорит, что сейчас она слишком встревожена поведением своей фрейлины Анны, и брать новую, еще моложе и еще красивее, явно не желает. Хотя, если король настоит… Но он видел меня лишь мельком. Глазел только на свою драгоценную фаворитку, а та, бесстыдница, просто пожирала его глазами… Ну же, милая, не расстраивайся: короля можно понять. Он женат на старой испанке…

– Она старше Генриха всего лишь на шесть лет!

– Целых шесть лет, только подумать! – недовольно покачала головой Альенора. – Женщина не должна быть старше своего супруга! Никогда и ни за что!

– Но почему? – с отчаянием прохрипела Бригида. Ее грудь была полна горечи и боли за Екатерину.

– Потому что, когда жена старше, случается то, что постоянно происходит с королевой: выкидыши и постоянные измены мужа, – назидательным тоном парировала Альенора, но увидев слезы на глазах дорогой подруги, мягко добавила: – Но все в руках Господних. Возможно, он даст королеве выносить мальчика? Тогда король образумится и окружит ее той же любовью, которой грел ее в их молодые годы.

– Будем надеяться на это. Аминь! – горячо прошептала Бригида и с любовью прикоснулась к своему крестику.

– Аминь, – подхватила Альенора.

Но она лгала: ей меньше всего хотелось, чтобы между Екатериной и Генрихом вновь настала идиллия. Она презирала королеву, ее железное терпение и достоинство, с которой она переносила оскорбления и насмешливое хихикание за своей спиной собственных фрейлин. Будь Альенора королевой, она тотчас бы приструнила насмешников и завистников, но, кажется, дочь великой Изабеллы не могла защититься даже от гавканья в свою сторону маленьких придворных собачонок, которых так любил ее супруг. Разве такая женщина, такая королева заслуживает уважения и любви? Нет, считала настойчивая и уверенная в себе мисс Нортон. Екатерина падет, и это падение будет ею заслуженно.

Глава 5

Несмотря на то, что уже через три дня Бригиде полегчало, ей пришлось пролежать в постели целую неделю: это ее матушка настояла, боясь, что сквозняк может вызвать повторный приступ. Почти потеряв любимое существо, люди начинают оберегать его чересчур рьяно. Но мисс Гиз не скучала, ведь ее дорогая подруга была рядом и проводила у постели больной едва ли не все свое время. Альенора, переживавшая за здоровье и жизнь Бригиды, так же сильно, как и родители последней, чувствовала некоторую вину: это она настояла на той злополучной прогулке в поле. Но разве могла она предугадать, что легкие белые облака сменятся черными грозовыми тучами? Ведь даром провидения она не обладает, так могла ли она знать, что пойдет дождь, который приведет хрупкую Бригиду к болезни?

– Мне жаль, моя дорогая, но, кажется, твой любимый чепец потерян навсегда. Я искала его после той грозы, а потом еще раз, с парой служанок… Но не печалься: я подарю тебе новый, еще более красивый, – ласково сказала Альенора подруге, когда девушки прогуливались по саду.

Мисс Гиз разрешили покидать свои покои и замок, но ненадолго, поэтому подруги не ступали дальше большого ухоженного сада, расположенного позади замка. Девушки крепко держались за руки, а за ними, тихо, как тень, и верно, как собака, шел мальчик-паж, несший небольшую корзину с засахаренными фруктами. Замыкали эту небольшую процессию двое вооруженных слуг, которым приказано было охранять жизнь и покой мисс Нортон и ее подруги.

– Ты так добра, – улыбнулась Бригида. – Я буду рада такому подарку! Надеюсь, только, твой отец не отругает тебя за такое расточительство?

– Ах, он сделает все, о чем я попрошу, – махнула рукой Альенора. Она знала своего отца, как никто другой. И она говорила правду: он ни в чем ей не отказывал. Какова бы ни была цена, все, что просила у сэра Нортона его дочь, покупалось без лишних споров. – Но скажи мне, разгневалась ли на тебя твоя матушка? Ведь тот бедный чепец был ее подарком?

– Я призналась ей в потере, но она лишь улыбнулась и сказала, что этот чепец – небольшая плата за то, что Господь не забрал меня у нее, – ответила Бригида, и, при этом воспоминании, в ее груди разлилось тепло. Губы девушки тронула счастливая улыбка, и она прошептала на ухо подруге: – Она так изменилась! Должно быть, эта болезнь стала для меня Божьим благословением! Моя мать никогда не была так заботлива и участлива… Она даже пожалела меня и мою глупую любовь к Вильяму… «Он недостоин тебя» сказала она!

– А твой отец?

– Он тоже вдруг стал заботливым и даже добрым ко мне… Конечно, он не выражает это так открыто, как это делает моя мать, но сегодня утром он сказал, что найдет мне достойного жениха, познатнее и побогаче Вильяма… – Бригида нахмурилась: несмотря на то, что она приняла свой позор и то, что ее мечте никогда не сбыться, девушка все еще страдала при мысли о том, что ей не суждено было выйти замуж по любви.

Ведь кто женится на ней? Кому нужна свежая прекрасная роза, если ее семья находится в опале и едва сводит концы с концами? Жениться на Бригиде Гиз значит попасть в немилость короля, ведь вместе с ее красотой ее супруг получит и пятно на своем имени.

– Я попрошу отца найти тебе самого красивого и смелого рыцаря во всей Англии, – словно прочитав мысли подруги, поспешно сказала Альенора и, потрепав Бригиду по щеке, весело рассмеялась: – А Вильям съест собственный меч, когда узнает о том, что тебя взял в жены какой-нибудь граф или даже наследник герцога!

– Этому не бывать. Возможно, я красива, но… – уныло понурила голову Бригида.

– Возможно? Какая же ты все-таки скромница! – воскликнула Альенора и поцеловала подругу в щеку. – В Англии не найдется ни одной девушки прекраснее тебя! Даже фаворитка короля тебе и в подметки не годится! Ты видела ее? Пресная, как тухлая рыбина!

– И все же ей легко удается держать Генриха на привязи, – недовольно откликнулась на это Бригида. – Ты находишь Анну Болейн пресной? А я думала, она тебе даже нравится.

– Она может быть пресной и нравится мне в то же самое время! – совсем не как леди хохотнула Альенора. – Лицо у нее обычное, правда, глаза… Какие глаза! Они очаровывают, обволакивают, призывают… Будь я мужчиной, точно бы попалась в ее сети!

– Будь я мужчиной, то была бы рада иметь в женах такую женщину, как Екатерина Арагонская! – твердо заявила Бригида, недовольная симпатией лучшей подруги к ужасной мерзкой женщине, разбивающей сердце королеве Англии. – Ах, Альенора, и как тебе может нравиться эта развратница? Говорят, она только и знает, что развлекается, танцует и получает от короля подарки!

– Именно этим она мне и нравится! С ней не скучно, чего не скажешь о твоей любимой Екатерине, – сказала на это Альенора. – Я люблю жить и веселиться, а проводить весь день в молитвенной, как королева и ее фрейлины, заставило бы меня зачахнуть от скуки… Ну же, моя хорошая, не расстраивайся, – ласково добавила она, увидев печаль на лице Бригиды. – Королю не женится на ней. Пока жива Екатерина…

– Я молю Бога, чтобы королева прожила еще долгие и счастливые годы, – горько шепнула Бригида и покачала головой. – Но я не желаю больше слышать обо всем этом. Единственное, чего я желаю, – это Вильям Тьюри, но мне пора вырвать его из своего сердца. Он хотел жениться на тебе, Альенора. – В глазах девушки невольно зажегся огонек зависти, но это зависть не была черной или злой. – Он просил твоей руки…

– Моя милая добрая и наивная Бригида, – терпеливо вздохнула Альенора. – Он не хотел жениться на мне. Целью его сватовства было породниться с моим отцом. Ты ведь помнишь, каким влиянием обладает при дворе лорд Нортон?

– Ты уверена? А вдруг он видит тебя в своих снах?

– В своих снах он видит не меня, а то, как попадет в свиту короля. Король всегда щедро одаривает своих приближенных. А я – единственный способ для Вильяма Тьюри попасть во дворец…

– Мисс Гиз! Ваш отец велел найти вас! – вдруг услышали подруги за своими спинами, и, обернувшись, они увидели служанку, быстро идущую в их сторону.

– Отец зовет… – задумчиво промолвила Бригида. – Я должна идти.

– Я буду в саду. Что-то захотелось написать сегодня пару сонетов природе, – ободряюще улыбнулась Альенора.

Бригида улыбнулась и направилась в замок, по дороге удивляясь, что понадобилось от нее отцу, ведь он сказал, что сегодня будет очень занят и попросил не беспокоить его.

Лорд Нортон медленно шел по саду и в который раз перечитывал небольшую записку, которую получил из Лондона всего несколько минут назад. Его полные губы, спрятанные под густыми золотистыми усами, загадочно улыбались.

– Как приятно видеть вас таким счастливым, отец, – вдруг послышался за спиной мужчины ласковый женский голос, заставивший сэра Нортона вздрогнуть от неожиданности и от души рассмеяться над самим собой.

– Ах, это ты, моя жемчужина! – Он подошел к своей дочери и поцеловал ее белый высокий лоб. – Ты гуляешь одна? А где Бригида?

– Ее отец послал за ней… – пожала плечами Альенора, а затем склонила голову и прищурила свои небесно-голубые глаза. – Вы сияете, как солнышко пополудни. И что же вас так обрадовало?

– Ничего от тебя не скроешь, моя красавица! – Сэр Нортон наклонился к уху девушки и тихо-тихо прошептал: – Новости из Лондона! Ты помнишь, как быстро Его Величество покинул наш замок?

– Как такое забыть? Ах, да не томите же! – нетерпеливо прошептала в ответ Альенора.

– Генрих отослал в Ватикан посла, который должен привезти от Папы согласие на развод нашего короля и королевы Екатерины! Мой тайный поверенный также сообщает… – быстро-быстро зашептал лорд Нортон.

– Погодите, погодите! Отец, вы уверены в этом? – округлив глаза, вслух сказала Альенора: новость, которой поделился с ней отец, изумила ее, и все ее существо не могло поверить в то, что король Генрих все же решился на развод со своей старой женой. Как такое возможно? И как только Анне Болейн удалось склонить его к такому серьезному, не богоугодному шагу? Неужели ему совершенно не важно, что скажут о нем его поданные?

«Но чему это я удивляюсь? Это было так очевидно! Старая верная лошадь отправляется в стойло, а молодая и строптивая готовиться быть объезженной, – с саркастической улыбкой подумала девушка. – Екатерине лучше по-доброму, тихо уступить свое место сопернице, ведь та уже давно одержала победу в их дуэли за сердце и благоволение этого похотливого дурака!»

– Разве я когда-нибудь ошибался, моя роза? – вкрадчиво ответил отец девушки и вновь наклонился к ее уху: – Верный мне человек, придворный, входящий в круг самых близких друзей и любимцев Генриха, также доложил, что Екатерина, эта испанская лиса, каким-то образом прознала о тайном посланнике мужа к Папе и также послала в Ватикан своего человека… Но это всего лишь последняя агония: если король принял решение, его уже не переубедить, каким бы глупым оно ни было… Ты понимаешь, что ждет теперь всех нас, дочь моя?

– Перемены, отец, и, я уверена, что к лучшему! Но когда вы уже упросите короля взять меня в свиту его супруги? Пусть эта монашка вскоре падет, но, пока она при дворе, я могла бы стать ее фрейлиной…

– Нет, нет, только подумай, как отнесется к моей просьбе Анна? Скоро ей быть новой королевой Англии, и она уж точно не забудет того, что я умолял ее соперницу принять тебя в свои фрейлины. Это отбросит на тебя тень, моя радость. И на всех Нортонов! А закончить, как отец Бригиды, я не желаю…

– Тогда упросите Анну! Ей будет приятно слышать, что юная дочь советника Генриха по ночам не спит, так желает прислуживать ей! – взмолилась Альенора.

– А если вдруг Генрих умрет? Все может случиться! Умрет, так и не разведясь? Тогда Екатерина останется королевой-матерью наследницы престола! Эта женщина мягка, но и она не забудет о тех, кто причинял ей боль и топтал ее имя! Нет, моя птичка, я не могу так рисковать! Мы будем ждать… – упрямо настаивал сэр Нортон.

– Ждать? Но, отец, мне уже семнадцать! Я не желаю попасть во дворец старухой! – обиженно буркнула Альенора.

– Моя дорогая, ты знаешь, что я всегда иду у тебя на поводу, но в этот раз я настаиваю на своем: мы будем ждать удобного момента, – серьезным тоном сказал лорд Нортон, и его дочь не стала спорить, а лишь расстроенно вздохнула.

Робко постучав в дверь комнаты, в которой обычно работал ее отец, и получив разрешение войти, Бригида бесшумно проскользнула внутрь, и ее взгляд тут же встретился с взглядом незнакомого ей молодого, богато одетого мужчины.

– Отец! – Девушка сделала глубокий реверанс сэру Гизу, а затем не забыла поприветствовать и гостя. – Сэр!

– Воистину, девушки, прекрасней вашей дочери, сэр, не сыскать ни в Англии, ни в целом мире! – широко улыбнулся незнакомец, обращаясь к сэру Гизу, но не спуская с его

дочери восхищенного взгляда. При появлении девушки небесно-голубые глаза молодого красавца зажглись, как факелы с приходом темноты.

– Бригида унаследовала свою красоту от Елизаветы Вудвилл, своей прародительницы. Как вам, должно быть известно, сэр, о прекрасной внешности этой легендарной королевы все еще слагают легенды, – довольно отозвался сэр Гиз. Он стоял у окна, с большой картой в руках, и, при дневном свете, внимательно разглядывал ее. Затем, отвлекшись от своего занятия, он положил карту на стол, подошел к дочери и взял ее ладонь в свою.

– Прошу прощения, отец, вы звали меня? – тихо спросила девушка, совершенно не понимая, зачем отец велел послать за ней в то время, как сам принимает посетителей. И кто этот белокурый красавец? Кажется, она уже видела его, но где и когда? Его лицо кажется таким знакомым, а его голубые глаза – такими родными! Но она не могла вспомнить, да и не желала.

– Вы уже оповестили вашего отца о своем возвращении, сэр? – поинтересовался сэр Гиз у гостя, словно не услышав голос Бригиды.

– Еще нет, сэр. Мое сердце требовало ответа, и, примчавшись, как ветер, первым делом я поспешил к вам, – не отрывая взгляд от красавицы мисс Гиз, промолвил гость, и этот пристальный, горящий страстью взгляд заставил девушку густо покраснеть, а ее разум наполниться сотнями вопросов, которые, однако, она не решалась задать вслух.

– Ах, даже так? – Мистер Гиз радушно рассмеялся, но Бригида, знающая своего отца, тотчас распознала фальшь в этом его смехе. – Но, сударь, прежде чем вступать на такой важный и ответственный путь, вам требуется получить разрешение ваших родителей!

– Мой отец будет только рад, как и моя мать, – тепло улыбнулся незнакомец, и не думая отвести взор от «Пламенной розы» Бригиды Гиз.

– Отец, прошу прощения… Я не понимаю, что происходит, – шепотом обратилась девушка к улыбающемуся сэру Гизу.

– Моя добрая, наивная дочь! – Сэр Гиз ласково потрепал девушку по плечу. – Неужели ты не узнала нашего гостя?

– Вы кажетесь мне знакомым, сэр, но я не припомню… – начала было Бригида, обратив свой взгляд на гостя.

– С тех пор, как мы видели друг друга в последний раз, моя дорогая мисс, прошло пять лет, и вы, верно, забыли меня. Но я не забыл вас. Эти годы ваше прекрасное лицо стояло перед моими глазами, а мои уши были наполнены вашим дивным пением, – перебил девушку незнакомец и принес ей глубокий поклон. – Я все тот же Филип, старший брат вашей лучшей подруги Альеноры.

Глаза Бригиды удивленно распахнулись: конечно, это он! Как она могла не узнать эти белые кудри и голубые, как небо, глаза? Филип! Он и Альенора так походили друг на друга, словно Господь дал им одну внешность на двоих!

«Каким он стал! Уже не тот нескладный юноша, учащий меня стрелять из лука, но мужественный и красивый мужчина! Он вернулся! Как рады будут его возращению леди и сэр Нортон! А Альенора? Она так ждала его, с такой нежностью берегла и перечитывала его письма!» – Лицо девушки озарила счастливая улыбка, и Филип Нортон едва не задохнулся от ее красоты.

– Альенора будет так рада… Так рада! – воскликнула Бригида, прижав ладони к груди.

– А вы рады, мисс Гиз? – вкрадчивым тоном спросил Филип.

– Конечно, сэр, я тоже очень рада вашему возвращению, – робко ответила девушка.

– Что ж, прекрасно! К чему медлить, если два сердца с такой неотвратимой силой тянуться друг к другу? – деловито сказал отец Бригиды. Его лицо сияло от удовольствия. – Устроим свадьбу на следующей неделе!

Глава 6

Бригида непонимающе взглянула на отца, но тот смотрел на нее свысока и широко улыбался, что дало девушке понять: ее выдают замуж. Выдают, не спросив ее. Она знала, что когда-нибудь это случится, что эта судьба уготована каждой дочери, но сейчас, когда этот момент наконец-то настиг ее, душа девушки завопила от возмущения.

– Отец… Но как я могу покинуть вас с матушкой? – с болью в сердце пролепетала Бригида.

Однако это не была боль будущей разлуки с родителями: ее сердце зарыдало от осознания того, что не Вильям Тьюри станет ее супругом, а Филип Нортон! Конечно, она питала к нему теплые чувства, но лишь, как в брату лучшей подруги… Она ничего о нем не знает! Она видела его так редко, лишь несколько раз в своей жизни, ведь все детство он провел у своего дяди-рыцаря, а затем на пять лет пропал в Европе, сражаясь за Генриха и интересы Англии. И пусть она видела Вильяма так же редко, как когда-то Филипа, этот мужчина казался ей самым родным и знакомым существом в мире после ее дорогой Альеноры.

– Тебе пора стать супругой достойного мужчины, дочь моя, а сэр Нортон именно такой. Он сумеет сделать тебя счастливой и даст тебе много здоровеньких и красивых детишек. – Сэр Гиз вновь потрепал дочь по плечу, словно подбадривая, но та знала: отец велит ей замолчать и молча принять его волю.

И девушка так привыкла подчиняться, что фальшиво улыбнулась, согласно кивнула головой и, как положено женщине, опустила взгляд в пол.

– Вы не рады, моя леди? – слегка нахмурился Филип. Он ожидал совершенно другой реакции: ему всегда казалось, что эта красавица испытывает к нему нежные чувства и только и ждет его возвращения. Испуг и отторжение, невольно появившиеся на лице мисс Гиз, огорчили его.

Услышав голос Филипа, Бригида покрылась румянцем, не зная, что ответить, чтобы не обидеть и не унизить его достоинство.

«Нет, сэр, я не рада! Мое сердце плачет, и, если вы имеете ко мне хоть каплю жалости и симпатии, то скажете отцу, что все же не желаете жениться на мне! Прошу, оставьте мне свободу и время! А вдруг Вильям передумает и захочет сделать меня своей?» – с отчаянием в душе подумала девушка, но вслух сказала иное:

– Я польщена, сэр… Я не ожидала… Вы приехали… Мы все очень рады… – Ее голос прозвучал нежно, с придыханием, ведь она боролась со своим волнением, но манера, с которой были сказаны эти ничего не значащие слова, уверили Филипа в том, что мисс Гиз была так рада своей помолвке с ним, что просто не находила слов.

Ведь мужчине так легко видеть нужные знаки, когда он желает владеть сердцем, душой и телом любимой женщины!

– Позвольте мне поговорить с моим отцом. Но сперва, прошу, дайте мне милость почувствовать нежность вашей ладони, моя дорогая невеста, – тихо попросил Филип и протянул девушке свою большую, загрубевшую от многих сражений и упражнений с мечом, ладонь.

Как желала девушка ударить эту ладонь, отбросить ее от себя! Увы, у нее не было выбора: в мире мужчин согласие женщин не требуется. Лишь Альеноре выпало такое везение с отцом, который поддерживал любое ее решение.

– Это честь для меня, сэр, – промолвила Бригида и робко вложила свою маленькую белую ладонь в ладонь своего жениха.

– У вас такие нежные руки, мисс, – улыбнулся Филип, сжав ладонь девушки немного крепче, чем позволяли правила приличия. Но ведь она была его невестой, и он считал, что ему

позволительны были маленькие вольности, а если нет – отец Бригиды даст ему понять, что он перешел черту.

Но сэр Гиз лишь молча улыбался и наблюдал за диалогом молодых людей: не стоит отпугивать такого жениха. Даже если Филип Нортон вдруг задумает поцеловать руку Бригиды… Что ж, можно отвернуться или сделать вид, будто эта вольность просто-напросто не попалась ему на глаза.

– Но, дорогой Филип, найдите же поскорее вашего отца, – мягким тоном прервал неловкую сцену сэр Гиз, желающий официально закрепить помолвку дочери и Филипа Нортона благословением отца последнего. – Нам с вашим отцом стоит многое обсудить, но, как я уже сказал, приданое Бригиды…

– Я не ожидаю никакого приданого, сэр. Позволив мне повести вашу дочь к алтарю, вы уже наделили меня сокровищем, – перебил будущего зятя Филип.

– Любовь – наивысшая драгоценность, даруемая нам Господом, – улыбнулся сэр Гиз, ни капли не любивший свою супругу, но женившийся на ней по расчету. – Но, думаю, ваш отец должен дать вам свое позволение передать в вашу собственность один из своих замков и довольно большой кусок плодородных земель.

– Эти владения будут переданы мне без колебаний, сэр. Когда я уходил на войну, мой добрый отец обещал мне, что, если я вернусь живым, то смогу жениться на любой, милой моему сердцу девушке, и получу в пользование замок Шадоу и его окрестности.

– Тогда я спокоен. Зная вашего отца, моего лучшего друга, я уверенно заявляю, что благороднее и щедрее мужа не найти, – льстиво сказал сэр Гиз. – Но вам следует побеседовать с ним, а я в это время побеседую с моей дочерью. – Ему необходимо было отослать жениха дочери вон из комнаты, чтобы провести с Бригидой серьезную беседу насчет ее брака и уверить ее в том, что этот брак принесет пользу всем Гизам и, возможно, поможет им выбраться из долговой ямы и бедности.

Бедность Гизов бала настолько вопиющей, что, если бы ни сэр Нортон, по-братски любящий своего давнего друга Ричарда Гиза, вновь и вновь одалживающий ему деньги и знающий, что, возможно, он никогда не получит их обратно, маленькое благородное семейство Гизов умерло бы от холода и голода. Ведь даже платье, которое в этот день носила Бригида, было куплено за деньги щедрого сэра Нортона. Но сэр Гиз с трудом принимал свое положение и считал оскорбительным занимать деньги… А здесь такое щедрое предложение! Филип Нортон желает жениться на Бригиде! Даже зная, что за ней не дадут приданого! Кто бы мог подумать, что Гизам улыбнется такая удача?

Филип понимал справедливость слов отца своей невесты и, чтобы как можно скорее приблизить счастливый час первой брачной ночи с этой скромной медноволосой красавицей, принес Гизам молчаливый поклон и покинул комнату.

«Нет… Нет! Я не желаю становиться его женой!» – в ужасе кричала про себя Бригида, не смея поднять взгляд на отца. Ее фиалковые глаза вновь наполнились слезами, ведь она понимала, что отказать Филипу она не может… Да и смеет ли она? Родители не раз говорили ей, что ей нужно быть резвее и чаще улыбаться, ведь ее богатый муж сможет помочь им вернуть былую славу. И хорошо бы, чтобы этот муж был приближенным короля и мог бы замолвить словечко за семью своей супруги… А ведь Филип Нортон был именно таким мужчиной: сын королевского советника, верный слуга короля, храбрый воин и такой же красавец, как его сестра. Какой жених может быть лучше Филипа?

«Вильям. Он может быть лучше» – обреченно вздохнула девушка, и две крупные слезы сорвались с ее длинных ресниц и увлажнили ее белоснежные щеки.

– Не плачь, – приказным тоном сказал сэр Гиз, не выносивший женских слез.

– Простите, отец… – Бригида торопливо вытерла щеки ладонью.

– Филип делает нам всем великое одолжение, женившись на тебе, – уже более мягким тоном промолвил сэр Гиз и осторожно приподнял подбородок дочери, заставляя ее смотреть в его глаза.

– Я знаю, отец, – громко прошептала бедная девушка и постаралась выдавить из себя улыбку.

– К тому же он брат твоей любимой Альеноры. Только представь, каких красивых детей он тебе даст! И Альенора будет их родной теткой! – продолжил сэр Гиз.

– Вы правы, отец… Конечно, правы…

– Я заботился о тебе все эти восемнадцать лет. Мы с твоей матерью желаем тебе только счастья, и этот мужчина, я уверен, будет твоим хранителем и защитником.

Это была ложь. С самого рождения дочери сэр Гиз видел в ней только недостатки и лишний рот, который нужно было кормить. Он и леди Джейн ожидали сына, который, повзрослев, смог бы сам обеспечить себя службой у короля или в английской армии, но вместо мальчика родилась дочь, за которой в будущем нужно было дать приданое, а когда Артур, старший сын Гизов умер от горячки и у них осталась только дочь, некому было передать семейное имя, ведь Бригиде суждено было принять имя своего супруга. И пусть сын Бригиды сможет унаследовать замок Гиз, но древнее родовое имя, пришедшее в Англию века назад с завоевателями-франками, пропадет навсегда. Смерть Артура, нежно любившего свою сестру и пытающегося оградить ее от родительских колкостей, привело к тому, что тихий ручеек оскорблений в ее адрес превратился в бушующий, ревущий водопад.

Последняя фраза заставила девушку печально улыбнуться: ах, если бы все было именно так! Увы, это всего лишь красивые слова!

Но сэр Гиз принял улыбку дочери за улыбку понимания и благодарности.

– Представь, как счастлива будет Альенора, услышав, что ты и ее брат станете мужем и женой! – тихо воскликнул он и взял холодную ладонь Бригиды в свою.

– Она будет рада, да… – Бригида судорожно сжала ладонь отца: никогда ранее он не дарил ей такой чести! Это был первый раз в жизни, когда сэр Гиз держал ее ладонь в своей, и эта ничтожная отцовская ласка показалась девушке такой сладкой, что она готова была бежать с Филипом к алтарю хоть в этот самый момент.

– Это твое предназначение, дочь моя: стать супругой и матерью, – ласково сказал сэр Гиз. На миг ему стало горько от того, что его единственный ребенок покинет дом, но он тотчас утешил себя мыслью о том, что Филип сможет войти в круг приближенных короля и уговорить его вернуть Гизам их титул, состояние и замки.

– Я понимаю это, отец, и я не подведу вас. – Бригида робко поцеловала отца в щеку, а затем с чувством прикоснулась губами к тыльной стороне его ладони. – Скажите обо всем матери, а я обрадую Альенору. – Сделав глубокий реверанс, девушка покинула комнату отца, мужественно борясь с горячими слезами, в который раз подступившими к ее фиалковым глазам.

***

Старые слуги громко охали от радости и хватались за сердце: сын хозяина вернулся с войны! Ах, как возмужал! Ах, жив, здоров! Не калека! Руки, ноги на месте! Юные служанки, впервые видевшие Филипа Нортона, бросали свои дела и, восторженные внешностью этого статного мужчины, смотрели ему вслед. Таких красавцев этот замок еще не видел! Эти длинные белые кудри, это несколько продолговатое, но красивое лицо, эти невозможно ослепительные, голубые, как летнее небо, глаза! Он высок, его грудь так широка, а левая ладонь грозно покоится на рукоятке большого меча, спрятанного в металлические ножны! Кто он? Откуда прибыл?

– Как похож на нашу мисс Альенору! Может, брат ее? – все же догадалась одна из девушек, когда знатный красавец в богатых одеждах скрылся за углом широкого каменного коридора, украшенного дорогими гобеленами, среди которых особое место занимал огромный темно-зеленый гобелен с древом Нортонов.

Пошептавшись, девушки сошлись на мнении, что неизвестный им красавец и вправду был братом мисс Альеноры, а значит, сыном сэра и леди Нортон, и поторопились найти кого-нибудь из слуг постарше, чтобы выпытать у бедолаги все известное ему о молодом красавце Нортоне.

Но Филип совершенно не замечал похотливых и восхищенных взглядов служанок: перед его глазами стояла медноволосая Бригида, его невеста, такая скромная, такая робкая… Как сладко будет собственноручно раздеть ее в их первую брачную ночь! Конечно, снять с нее подвенечное платье ему не дадут, но все же ему достанется самый лакомый кусочек одеяния невесты: ее белое, длинное, ночное платье. Он снимает его медленно, так, чтобы не напугать целомудренную Бригиду, а когда платье окажется на полу, он покроет тело невесты мягкими нежными поцелуями…

Зайдя, без стука, в покои отца, молодой Нортон с неудовольствием обнаружил, что того в комнате не было. Однако бродить по замку и саду Филипу не пришлось: уже открыв дверь, чтобы покинуть покои, он едва не сбил с ног своего собственного отца.

Коротко вздохнув от неожиданности, отец бросился обнимать своего сына.

– Вернулся… Вернулся! – горячо прошептал сэр Нортон, не выпуская Филипа из своих любящих крепких объятий.

– Я же сказал, что вернусь, отец… Вот он я! – дрогнувшим голосом, полным нежности и радости, отозвался Филип.

– Шесть месяцев! Ни одной весточки! – всхлипнул сэр Нортон, отстраняясь от сына. Затем он обхватил родное гладковыбритое лицо Филипа ладонями и, словно не веря, что это не было сном, сжал его с такой силой, что молодому воину пришлось со смехом отвести от себя эти большие теплые ладони отца.

– Как ни одной? Я послал два письма! – удивился Филип, но затем звонко рассмеялся. – Но Дьявол с ними! Как я рад видеть вас, дорогой отец! Какую знатную бороду вы себе отрастили! Пора косы заплетать! Разве вы не слыхали, что нынче при королевском дворе все подражают Генриху и его короткой бороде? Вы ведь часть этого двора, пора бы и вам избавиться от этих косм!

– Полно, сын мой, полно! Пусть молодые портят свои бороды, а мы, старики, останемся верны прежней эпохе, – ничуть не обидевшись, добродушно улыбнулся сэр Нортон и похлопал сына по плечу. – Какой наряд! Будто не с войны вернулся, а на свадьбу!

– Как же ловко вы меня раскусили, отец! Я женюсь! – уже более серьезным тоном промолвил Филип, и его красивое лицо осветила счастливая улыбка. – Я мечтал об этой девушке пять лет, и вот она дала мне свое согласие!

– Уже дала?

– И ее отец, разумеется.

– Когда же ты успел? Должно быть, какая-нибудь испанская страстная роза?

– Лишь одна девушка смогла покорить меня. Лишь одна роза. Роза, рожденная моей любимой родной Англией.

– И имя этой красавицы…

– Бригида Гиз.

Счастливый огонек в голубых глазах сэра Нортона погас, уголки губ опустились.

– Зайдем-ка в мои покои, сын мой… – начал было он.

– Что не так, отец? – перебил Филип: от него не укрылась тень, вдруг омрачившая чело отца.

– Заходи, заходи… Нечего нам стоять здесь, посреди коридора! – Сэр Нортон едва ли не силой втолкнул сына в свои покои, затем быстро зашел сам и плотно закрыл за собой дверь.

Глава 7

– Филип! Ты вернулся!

Через мгновение Альенора повисла на шее своего старшего брата, а тот, смеясь, закружил ее, как делал это до того, как ушел воевать. Любящие сестринские объятия, этот любимый звонкий голос, это изобилие чувств, эта ангельская улыбка… Как он скучал по всему этому! Хотя между братом и сестрой была разница в четыре года, она никогда не давала Филипу маяться от скуки, а он, как и их отец, потакал всем ее прихотям. Долгие годы европейских войн, залитых кровью врагов и друзей, ужесточили характер молодого Нортона, но для своей «маленькой сестренки» он оставался все тем же Филипом.

– Как ты выросла… Еще вчера бегала по лестницам за собаками отца, а теперь поди пойдешь к брачному алтарю! – восхищенно смотря на сестру и любуясь ее родными чертами, сказал Филип. – Должно быть, все местные лорды, холостые и женатые, от тебя без ума!

– О, ты еще сомневаешься в этом? – сладким голосом ответила Альенора. – На днях моей руки просил молодой красивый мужчина, отец которого почти так же богат, как наш.

– Я только что от отца, а он даже не упомянул о том, что выдает тебя замуж! – добродушно рассмеялся Филип. – Бедный отец! Ну, кто еще будет разорять его, когда ты перейдешь под опеку супруга?

– Замужество, дорогой брат, не мой удел! – Альенора презрительно хмыкнула и закружила брата в танце. – Я стану фрейлиной королевы!

– Но, что же проситель? – удивился Филип, повинуясь капризу Альеноры.

Они танцевали посреди украшенного яркими цветами сада, под громкое пение птиц, словно находились в огромном танцевальном зале, и их ноги скользили по траве так же ловко, как по холодным плоским камням.

– Просителю пришлось собрать осколки своего сердца, растоптанные моими туфлями! Отец расстроился, мать даже всплакнула, в тайне от меня, но ты знаешь, Филип: мою волю не сломить! – пропела белокурая красавица Альенора. – Но этот замок все же увидит свадьбу!

– Как ты узнала? – Филип был настолько изумлен, что остановил начатое па, а его губы расплылись в непонимающей улыбке.

– Я слыхала, сегодня какой-то прекрасный богатый мужчина попросил руки нашей красавицы Бригиды, – словно не замечая удивление брата, с хитрой улыбкой сказала Альенора, все так же танцуя, хоть и без партнера. Она танцевала так изящно, и так пленительны были ее движения, что садовник, молодой угрюмый детина, отвлекся от работы и завороженно уставился на танец дочери хозяина.

– И этот мужчина – счастливейший из смертных, – усмехнулся Филип, но, заметив внимание садовника к Альеноре, грубо бросил тому: – Ты на кого уставился, собака? Ласкаешь своими похотливыми глазами мою сестру, мисс Нортон? За такую наглость стоит отрубить тебе твою безобразную голову! – Он грозно насупился и схватился за рукоять своего меча.

– Христа ради! Простите, сэр! Простите, мисс! Христа ради! Ради Матери Божьей Девы Марии! Да видит Господь, ослепила меня, жалкого глупца, красота солнышка нашего мисс Нортон! – упав на колени и многократно осеняя себя крестом, залепетал до смерти испуганный садовник.

– Пошел прочь, псина! Еще раз взглянешь на мою сестру – велю четвертовать! – выплюнул Филип, а на его лице отобразилась такая злоба, что Альенора невольно нахмурилась.

– Не узнаю тебя, брат мой… Так рассердиться из-за жалкого садовника! Танцуй со мной! – Девушка вновь схватила брата за руки, желая танцем вернуть ему доброе расположение духа, и тот, глубоко вздохнув, вновь присоединился к ней. – Счастливица Бригида! Как она рада! Только подумай! Она любит этого мужчину уже несколько лет!

– Любит? Это она сказала тебе? – Сердце молодого Нортона застучало громко, как стучат лошадиные железные подковы о каменный мост.

– А кто же еще? – Альенора заливисто рассмеялась. – Скоро она получит то, чего отчаянно желает, и я счастлива оттого, что счастлива она! И пусть ее жених недостоин ее, пусть он дурак и шут…

– Как приятно получить такие похвалы от родной сестры! – рассмеялся Филип.

– Эти похвалы не для твоих ушей, глупенький! А для ушей жениха Бригиды!

– Именно с ним ты сейчас ведешь беседу.

Альенора резко остановилась, оттолкнул от себя брата и внимательно вгляделась в его лицо.

– Ты жених Бригиды? – неуверенно спросила она, но ответа ей не требовалось: властная улыбка Филипа говорила сама за себя. – Но отец получил письмо! Не ты… Нет, не ты должен стать ее супругом! Это не тебя она любит!

– Не любит сейчас – полюбит позже, когда я подарю ей красивого здорового младенца, – самоуверенно заявил Филип. – У нас будет много детей.

– Филип, она любит Вильяма Тьюри! Она умрет, когда узнает, что он первым попросил ее руки, но отдали ее тебе, а не ему! – возмущенно бросила Альенора. – Она будет несчастна! Всю свою жизнь!

– Но ведь она никогда не узнает об этом. Ее собственный отец не сказал мне ни слова о том, что этот лизохвост желает взять ее в жены.

– Сэр Гиз ничего не знает! Отец Вильяма написал не ему, а нашему отцу! Я вымолила у нашего отца щедрое приданое для моей бедной Бригиды, и сэру Тьюри это пришлось по душе! А тут ты…

– Ах, Филип, вы, должно быть, уже обрадовали вашу сестру новостью о нашей помолвке? – вдруг услышали Нортоны голос Бригиды, и он заставил их прекратить их горячий спор, обернуться к мисс Гиз и спрятать свои чувства за улыбками.

– Да, он сказал мне… Но, Бригида, ты должна знать… – Альенора бросила на брата пытливый взгляд, словно спрашивая: «Ты любишь ее?», на что его взгляд, полный боли и надежды, ответил: «Больше жизни! И ты вонзишь в мое сердце нож, если скажешь ей правду!»

– Что? Что знать? – улыбнулась Бригида, подходя к Нортонам.

– Что день вашей свадьбы будет самым радостным событием, которое только видел этот огромный старый замок! – проглотив ком, застрявший в горле, с фальшивой радостью воскликнула Альенора. Чувствуя, что не в силах больше находиться здесь и не желая, чтобы слезы горечи, сдавливающие ее грудь, вырвались наружу и огорчили подругу, она поспешно добавила: – Я найду матушку и расскажу ей! – Она крепко обняла Бригиду, в мыслях умоляя простить ее за обман, а затем грациозно приподняла полы своего платья и покинула сад.

***

Леди Гильда еще не знала о возвращении сына, поэтому, когда Альенора нашла мать в ее покоях за вышиванием гобелена, та так обрадовалась, что уронила и гобелен, и иголку на пол. Глаза бедной женщины наполнились слезами счастья: сын, первенец, воин Христа и защитник Англии вернулся к ней! После долгих лет разлуки, наполненных молитвами за здоровье и жизнь Филипа, она наконец-то сможет прижать его к своему материнскому сердцу и сказать, как она скучала по нему, как она любит его, своего сына! И пусть бы даже он вернулся калекой, она заботилась бы о нем без устали, все с теми же любовью и терпением.

– Матушка, он цел и невредим! Перестаньте уже плакать, а то глаза покраснеют. Мужчины любят наши слезы, но, думаю, Филипу уже хватило женских слез, ведь он оставил столь-

ких женщин Франции вдовами. Наш дорогой Филип нуждается в радостных возгласах и танцах! – ласково сказала Альенора, гладя узкую спину матери.

– Ты права, права! Устроим пир в честь его возвращения! Будем петь, танцевать, смеяться! Окружим его весельем и заставим забыть о тех ужасах, что он видел и что творил сам! – тотчас взбодрилась леди Нортон. Она поднялась со своего стула, придвинутого к окну, и направилась к двери.

– Он творил эти ужасы во благо Англии, матушка! Эти французы никак не успокоятся, никак не насытятся, эти волки! – Альенора пошла вслед за матерью.

Они вышли в коридор и, подняв полы юбок чуть выше, чем следовало, торопливо направились на кухню: поваров и поваренок ждало много работы! В честь возвращения хозяйского сына должны быть приготовлены десятки блюд! Мясо! Рыба! Птица! Все самое свежее, самое вкусное! Вина тоже должно быть вдосталь!

– Моя дорогая, когда мужчины убивают друг друга и оставляют жен друг друга вдовами, в этом нет ничего романтического! Но мой мальчик вернулся! Живой… Как долго я ждала этого дня! Нам нужно будет сходить в церковь и принести Господу молитву благодарности! – сказала леди Гильда. – Нет, нет! Мы проведем мессу! Пошли служанку к священнику! Пусть подготовит на завтра длинную и прекрасную мессу!

– Так и сделаю, матушка! И месса нужна! – восторженно воскликнула Альенора, но затем ее чело омрачила тень, и она добавила: – Торжество будет не только в честь его возвращения, но и в честь его помолвки… Он женится. И знаете на ком?

– Женится? – Эта новость заставила леди Нортон остановить шаг, прижать ладони к груди и едва ли не заплакать от счастья: – Ах, неужели скоро я буду держать в руках внуков? И кто же эта счастливица? Да пошлет им Бог счастья и плодородия! Пусть ее чрево взрастит и выносит в себе много детей!

– Он женится на Бригиде, матушка! – наклонившись к лицу матери, тихо сказала Альенора. Никто не должен быть услышать их беседу.

– Милая моя, но ведь уже обговорено, что она выйдет за Вильяма Тьюри! Конечно, это дурно с его стороны пытаться причинить тебе боль и отомстить за отказ, женясь на твоей лучшей подруге, но… – громко зашептала удивленная леди Нортон.

– Забудьте об этом! Ни Бригида, ни ее отец, ни ее мать не знают о письме этого дурака! Наш Филип любит ее! Он никогда не говорил мне об этом открыто, но в своих письмах часто спрашивал о ней и велел передавать от него горячие приветствия! – вкрадчивым тоном, тихо увещевала мать Альенора: она уже смирилась с тем, что Бригида не получит в мужья того, кого любит, ведь мисс Нортон знала, что ее брат будет любить ее подругу, защищать и хранить. И ведь сам Филип заслуживает счастья! Как он сказал: «пусть Бригида не любит его сейчас, но полюбит позже». Ведь как можно не полюбить этого белокурого голубоглазого красавца?

– Но… Но Бригида бедна! Ее отец не даст за ней приданого, ты ведь знаешь, что он в опале! Зачем нашему мальчику жениться на девице с такой репутацией? Что о нас скажут? Что мы породнились с изменниками? – возмущенно бросила леди Гильда, и ее лицо покрылось румянцем.

– Вы так говорите, матушка, словно моя Бригида какая-то распутница! – ледяным тоном ответила на это Альенора: слова матери глубоко уязвили ее. – Не ее вина в том, что сэр Ричард оказался таким глупцом и перешел дорогу Анне Болейн! Почему она должна страдать из-за его длинного язвительного языка? Такой супруги, как Бригида, Филипу не сыскать в целом мире! Прекрасная, как ангел, робкая, как лань, послушная, как… – Девушка запнулась, не в силах подыскать нужное слово, ведь сама послушной она никогда не была и становиться не собиралась. – Как должно быть женщине! Сейчас же заберите свои слова обратно, или, клянусь, я ни слова вам больше не скажу! Ни слова, пусть вы и будете лежать на смертном одре! – Гнев

Альеноры на несправедливое замечание матери был так велик, что она готова была воплотить свою угрозу в действие.

– Ну, что ты, ангел мой! Я люблю Бригиду так же, как тебя, словно она моя вторая дочь! – поспешила исправиться леди Нортон и, заискивающе улыбнувшись, взяла ладони дочери в свои. – Наш Филип будет счастлив с ней! И я буду счастлива не менее его! Но отправляйся же в церковь, не нужно искать служанку! А я поспешу на кухню и прикажу наготовить столько лакомств, что их остатками можно будет накормить тысячи попрошаек и бедняков!

***

Зайдя в старинную каменную церковь, в которой летом стояла приятная прохлада, а зимой холод, от которого до костей промерзали и Отец Марк, и его прихожане, Альенора с удивлением обнаружила в ней свою подругу.

Бригида стояла на коленах у распятья, вперив взгляд в лицо Иисуса и медленно перебирая четки. Ее губы двигались в беззвучной, но страстной молитве, она не замечала никого и ничего вокруг. Девушка пришла к Богу, чтобы спросить его: это ли судьба, которую он желает для нее? Неужели ей суждено стать женой Филипа, мужчины, которого она не любит и никогда не сможет полюбить? Пусть он брат Альеноры, пусть он красив и силен, а его отец богат… Она не желает идти с ним к алтарю, не желает ложиться с ним в брачную постель.

«Почему ты так жесток ко мне, Господи? Я верная и послушная Твоя дочь, не пропустила ни одной молитвы, а на мессе я пою громче всех, и душа моя замирает от каждого слова, которую Ты написал в священной Твоей книге… Почему не Вильям? Почему Филип? Но отец так рад… Ему не терпится избавиться от меня, я чувствую это… Прости мне мои сомнения, прости мое непонимание, мою глупость… Но это ли Ты уготовил мне? Быть супругой нелюбимого и матерью его детей? Если да, дай мне знак, и я смирюсь, и никогда больше не усомнюсь! Если нет, если это… Недоразумение или… Или что-то другое, скажи мне! Пока не поздно! Пока я не сказала ему: «Согласна» у священного Твоего алтаря!» – молилась Бригида, плотно закрыв глаза и слегка покачиваясь взад-вперед, в надежде получить от Создателя ответ на свои вопросы.

– О, моя дорогая… Ты здесь? – тихо, чтобы не испугать, ласковым тоном спросила подругу Альенора.

Но она подошла к Бригиде так бесшумно, или сама мисс Гиз была так увлечена своей молитвой, что, несмотря на усилия Альеноры, склоненная в молитве девушка резко распахнула глаза и вздрогнула, как лист от нежданного порыва ветра.

– Прости! Я не хотела напугать тебя… Я пришла, чтобы попросить Отца Марка подготовить на завтра торжественную мессу в честь вашей с моим братом помолвки, – виновато улыбнулась Альенора. – Ты, случайно, не знаешь, здесь ли он? Или опять пропадает на лугах, собирая мяту?

– Право, не знаю… Я пришла не к нему, а к нашему Всевышнему Отцу, ведь Он всегда здесь, – рассеяно ответила Бригида. – Но, если ты не против, я еще помолюсь.

– Конечно, моя милая, я не буду беспокоить тебя… Но только представь, что совсем скоро ты и Филип будете стоять у этого самого алтаря, чтобы соединить ваши души во Христе! – тихо воскликнула Альенора, окинув взглядом роскошный, украшенный золотом алтарь и золотые подсвечники. Ее отец не жалел денег для Церкви и часто подносил ей щедрые подарки, которые с благословением принимались.

– Да… Отец сказал, что свадьба будет на следующей неделе… – Голос Бригиды дрогнул. Она не желала обижать дорогую ей подругу нежеланием выходить за ее брата, но не могла скрыть от Альеноры своего разочарования и боль, которые та легко прочитала на ее белоснежном, как снег, лице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.